

КАРОЛИНА ДЭЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Миллиард
СЕКУНД

Каролина Дэй Миллиард секунд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67370946

SelfPub; 2022

Аннотация

Он – великий художник за тридцать, я – детдомовская оборванка. Что нас связывает? Ничего, кроме неприязни друг к другу. Но именно Олег Соломонов протягивает руку и забирает из ужасного места, а в благодарность... Я влюбляюсь в собственного опекуна, который видит во мне всего лишь девочку. Но я взрослая и способна преодолеть законы общества. А он? Он способен?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Точка отсчета	6
Глава 2. Новая жизнь	18
Глава 3. Диагноз	26
Глава 4. Возрождение Евы	44
Глава 5. День рождения	56
Глава 6. Не отец	66
Глава 7. Настоящие родители	72
Глава 8. Осознание	83
Глава 9. Возвращение в реальность	92
Глава 10. Шоколадница	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Каролина Дэй

Миллиард секунд

Пролог

– Ты знал, что миллиард секунд – это почти тридцать два года? – она подходит со спины и протягивает телефон. Смотрит своими большими глазами то на экран, то на меня. Радостно. Аж светится вся. – Вот, гляди. Пишут, что после этого жизнь меняется. На космическом уровне, понимаешь?

– Думаешь, к тридцати двум за мной прилетят инопланетяне и откроют вход в другую галактику?

– Нет. Просто ты уже прожил миллиард секунд, а я еще нет. Вдруг что-то изменится, ну... – мнется неуверенно, как в первые дни пребывания в моем доме, – между нами.

– Эй, – поднимаю ее личико за подбородок, – у нас ничего не изменится даже спустя сто миллиардов секунд, слышишь?

Ева осторожно заглядывает мне в глаза. Робко. Словно боится увидеть в них что-то пугающее, а через долгие три секунды пухлые губки растягиваются в легкой улыбке. Те самые, которые еще с утра находились в моем плену, которые шептали что-то несвязное.

Кричали в порыве страсти...

За ней хочется наблюдать вечность. Смотреть в ее вол-

шебные глаза, разглядывать правильные черты лица. Точечные. Как у фарфоровой куклы из Детского Мира. Ее можно было бы принять за куклу, если бы она не проявляла никаких эмоций и не улыбалась сейчас. Все шире и шире. Вот и зубки белые появились. И ямочка на щеке. И блеск в родных глазах.

– Ты же знаешь, что я люблю тебя больше жизни. Мое сердце будет биться, пока бьется твое, – касаюсь ложбинки между двумя округлыми холмами, спрятанными под моей рубашкой, смещаю ладонь чуть левее. Туда, где чувствуются учащенные удары. – Ты мне очень...

– Ладно, поняла. Заканчивай со своей романтикой, – перебивает и накрывает мои губы своими. Не нежно касается, как раньше, а с напором, с дерзостью. С уверенностью, что я отвечу.

Может пройти много времени, но мои чувства к ней не изменятся. Любовь никуда не исчезнет, лишь перейдет из одной фазы в другую. Могут пройти сотни, миллионы, миллиарды секунд, но в какой-то момент я встану перед окном, открою его нараспашку, почувствую легкий летний ветерок на лице...

И осознаю одну важную вещь: свое обещание я так и не выполнил.

Глава 1. Точка отсчета

За несколько месяцев до событий в прологе

– Выходи за меня.

– Я хочу уйти, – произносит Яна почти одновременно со мной.

Чувствую себя героем бабского сериала по федеральному каналу. Знаете, где кричат: «Да она любит тебя! Она не может любить меня! Да я люблю тебя!». Вспомнили? Вот примерно в такой же ситуации я оказался, только третьего лишнего тут не было. Я сам оказался в этой роли.

Теперь давайте представим всю картину в красках. Мы сидим в лучшем ресторане с видом на столицу. Вечерняя Москва освещается множеством огней, на трассе привычные пробки на фоне снежных сугробов у обочин. Приглушенный свет над нашим столиком создает романтическую атмосферу, бокалы лишь на четверть наполнены ее любимым гранатовым вином.

Сажу напротив с протянутой вперед бархатной коробочкой. Продавец сказал, что таких колец больше не продают, камень больше пяти карат. Она любит такие. Пафосные, помпезные. Ее стиль.

После долгой подготовки к этому ужину я получаю в ответ: «Я хочу уйти». В голове возникает лишь один вопрос:

– Почему?

– Понимаешь... – медлит Яна, сминая в руках салфетку, – ты постоянно занят в студии. То с натурщицами, то еще с кем-то. Домой приходишь пару раз в неделю. А мне внимание нужно. Твое внимание...

Да ладно! То есть за два года беготни за ней я не уделял внимания? А три года отношений? И еще два года совместной жизни, когда я пылинки с нее сдувал? В последние недели я был занят подготовкой к выставке, но это не значит, что и раньше я вел себя, как эгоистичная скотина!

– Ты же знаешь, скоро выставка, нужно подготовить работы. Я даже половину не написал...

– И еще... – перебивает она. Да оставь уже в покое эту чертову салфетку! Сколько можно ее теревить? – Я семью хочу, детей.

– Я тоже...

– Если бы хотел, то я давно бы родила, – внезапно выкрикивает она, подняв на меня взгляд болотных глаз. Чуть влажный. – Сколько мы пытаемся? Полгода? Год? Все без толку! Я здорова, а ты...

– И я здоров.

– Твоих слов недостаточно.

То есть год без сигарет, алкоголя и прочей дряни прошел зря? Я зря, что ли, ел одну траву, запивая все травяным чаем, и ходил в качалку три раза в неделю – тоже зря? Ладно, качалка присутствовала в моей жизни еще до наступления

ада – во имя здоровья, но все остальное...

– А что достаточно?

– Для этого анализа нужно сдавать, а ты ни в какую не хочешь идти!

– Со мной все нормально! – цежу я сквозь зубы. – Сама знаешь, я сильно занят.

– Вот поэтому я и хочу разойтись.

Осознание происходящего приходит не сразу. Может, алкоголь виноват, может, шок, может, еще какая-то хрень в голове поселилась. Не знаю, если честно. Но сейчас я готов пойти вместе с ней в клинику, пройти дурацкие процедуры, которые вызывают дикую боль, и лишний раз убедиться, что со мной все в порядке.

– Ян, давай все обсудим нормально. Не руби на корню.

– Как с тобой все «нормально» обсудить? Ты все время закрываешься от меня, ночуешь в своей мастерской. Каждый раз! Вспомни! Каждый раз, когда я хочу поговорить о детях, ты уходишь. Я устала.

Яна смотрит на меня, как на заклятого врага, ее грудь в вырезе элегантного черного платья то высоко поднимается, то опускается, ноздри раздуваются. Но злит Яна недолго. Отдышавшись, снова опускает глаза. Маленькая капелька падает на тарелку с остатками салата.

– Прости...

Вот и писклявость в голосе появилась. Довел девчонку. Это если со стороны посмотреть. Но на деле складывается

ощущение, что довела как раз она. До края. Туда, где больше нет мира. Сплошной белый холст без конца.

— Я оплачу счет и... — лепечет она.

— Иди. Сам разберусь.

Впервые в жизни она не перечит. Тихо стаскивает с колен тканевую салфетку, тихо поднимается и легкой походкой, за которой я так любил временами наблюдать, выходит из ресторана. А потом и из моей жизни. Пытаюсь запомнить и ее шикарную фигуру в форме песочных часов, и идеально уложенные в аккуратный пучок волосы, и легкую улыбку, которой она одаривала окружающих.

Теперь я не вхожу в число счастливчиков, наблюдающих за переливом белоснежного жемчуга между алыми губами...

Как любящий мужчина я должен остановить ее, взять за руку и впиться в ее губы. Посмотреть в глаза цвета насыщенной зелени и тихо умолять дать второй шанс, услаждая ласковым шепотом ее слух. Но ничего из этого я не делаю. Мы не в кино, в конце концов. Яна не станет слушать, как бы убедительно я сейчас ни говорил. Что бы ни обещал.

На самом деле ситуация странная. Точнее, не так — дебильная. Хотел ли я ребенка? Не знаю. Дети — это прекрасно. Бегала бы по нашей квартире маленькая светловолосая красавица с ярко-зелеными глазами и встречала бы меня из студии. Я бы писал ее портреты, разукрасил бы детскую.

Было бы здорово. Но от этой идеи мне ни горячо, ни холодно. Есть дети, нет детей. Какая разница? Времени еще

полно.

Только вот у Яны его не нашлось...

– Принести счет? – ко мне подходит молодая официантка.

– «Абсолют». Бутылку и рюмку.

– Но у нас граммовки...

– Двести граммов, – говорю и протягиваю кольцо: – Возьмите.

Девушка некоторое время моргает темным веером ресниц и, немного постояв, молча берет красную коробочку. Через три минуты заказ передо мной.

Можно я не буду распевать песни а-ля «Напилася я пьяна»? Во-первых, это бабская фишка, а во-вторых, мне абсолютно плевать, сколько граммов водки войдет в организм.

Домой идти надо, только не хочется. Ноги не идут, не тянет туда, как раньше. Потому что она там. Пропитала квартиру своим ароматом, заполнила ее своими банками из-под кремов. А мне ведь важно личное пространство! Но я выделил ей место. Потому что люблю ее, дуру. До сих пор люблю.

Ладно, в студии переночую.

– Девушка! – кричу от барной стойки. Когда я успел переместиться? – Счет!

А теперь надо свалить отсю... Ух ты ж! Мне бы на ногах устоять, не то что до дома доехать! Ладно, вру, на ногах я нормально стою. Вроде бы. А чего это снег такой скользкий?

– Эй, аккуратнее! Не видишь, куда прешь?

Конечно, не вижу. Как можно заметить в темноте нечто

черное, сливающееся с грязью на асфальте? Ах, это твоя куртка?

– Не заметил.

– Ты мне шмотки испачкал, придурок! В чем я теперь ходить буду?

Если честно, я не особо понял, какого пола это черное пятно. Вроде бы женским голосом говорит, но он такой хриплый и прокуренный! Больше подходит генералу в отставке.

– Постираешь, – бросаю через плечо и желаю как можно скорее оказаться в машине, а не среди снегопада, но тут...

– Не свалишь!

Оно цепляется за мою штанину и не отпускает. Охрительно! Еще и меня в грязь обмакни!

– Отвали!

– Ты глухой? Мне ходить теперь не в чем! Возмещай, придурок старый!

Отлично! Я до кучи еще и старый! Докатился!

– Так, – тянусь за кошельком во внутреннем кармане. – Держи на новую одежду и больше не приставай! – кидаю несколько купюр (не знаю, каких именно, рублевых или долларовых) и иду на парковку. Точнее, пытаюсь идти, пока меня выпустили на свободу.

– Придурок! Даже прощения не попросил!

И это благодарность за то, что я от сердца оторвал кровно заработанные бабки? Куда мир катится?! Ладно, черт с ни-

ми. Надо до машины доковылять. Не шатаюсь. Не привлекая внимания... никого. Но в какой-то момент мне показалось, что я иду строго вдоль черной полосы.

Жизненной...

Почти спокойно добрался до студии, благо она недалеко, в отличие от дома, открыл дверь и тут же завалился на диван. В последние дни часто оставался здесь ночевать. Много работы навалилось, пришлось оборудовать маленькую кухню и создать комфортные условия для ночлега. Янка не была против, наоборот, вместе со мной подбирала удобный раскладной диван.

Вот и довыбиралась.

– Стой! Больно, – она чуть отталкивает меня руками, как только я резко вхожу в ее влажное лоно.

– А так? – двигаюсь медленнее. Вперед-назад. Наблюдая за тем, как закатываются глаза цвета только распустившихся листьев, и чувствуя впившиеся в мои предплечья пальцы.

– Ах... еще...

Мы возбуждены. Нас несет на волнах удовольствия. И дело не только в телах, не только в физике и самом понятии наслаждения, а в понимании того, кто именно перед тобой. Что это не первая попавшаяся шлюститутка, а любимая женщина, которой ты посвящаешь свою жизнь, с которой строишь будущее, и у которой мечтаешь увидеть обручальное кольцо на безымянном пальце.

Которая будет с тобой до самой смерти...

Ее влажное тело извивается под моим, ее пухлые губы с размазанной вокруг помадой сексуально приоткрыты, а когда я делаю резкий толчок, дарующий нам обоим мгновение единения тел, произносит тихо-тихо:

– Люблю тебя.

– И я тебя люблю, – накрываю губы любимой своими. Успокаиваю нежным поцелуем, доказывающим правдивость только что сказанных слов...

Твою ж мать! Ай! Чего голова такая чугунная? Какого черта я делаю в студии? И почему свет слепит глаза? Кто не закрыл шторы? Яна... Она всегда занавешивала окна, пока я спал, чтобы не разбудить.

Когда человек просыпается, обычно не ощущает ничего. Настроение еще не определено, никакие мысли в голове не витают. Это ни хорошо, ни плохо. И только через пару секунд чувствуешь перемены, начинаешь перебирать в памяти, что вчера произошло и при каких обстоятельствах.

Лучше бы я этого не делал. Лучше бы не вспоминал прошлое, лучше бы не представлял будущее. Не мечтал о том, что Яна вдруг передумает и через пять минут окажется на пороге студии. Она слишком горда, а я слишком обессилен.

Чувствую себя, как мальчишка, которого бросила первая любовь. Как доходяга-подросток с кучей комплексов. Но что я могу поделать? Казалось, мне больше ничего не надо в этой жизни. Нагулялся, наигрался с красивыми куколками. А те-

перь своя куколка бросила.

И вот мне тридцать один, я вроде как талантливый художник, но брошен лучшей женщиной в мире, на которой мечтал жениться. Ладно, черт с ним. Прорвемся. Где-то я слышал, что после тридцати жизнь только начинается.

Без Яны...

Может, за это время мы остыли? Может, удастся поговорить нормально? По-человечески. Расставим все по своим местам, обсудим проблемы. Да, черт, я готов эти долбанные анализы сдать! Готов, слышишь? Я не позволю забыть семилетнюю связь!

Абонент недоступен. В черный список занесла или просто телефон выключила? Второе, наверное. Отправлю смс, вдруг увидит, ответит. Ладно, надо работать. Вечером проверю телефон. А сейчас надо работать.

Но телефон молчал на протяжении всего дня.

Я успел набросок сделать, думая о Яне, развести краски, думая о Яне, и даже первый слой нанести. Думая о Яне...

Ее набросок.

Овал лица, глаза, губы, волосы, грудь наметил, чуть выглядывающую из выреза платья. Черного. Того, которое я в последний раз видел на ней. Еще тогда возникали мысли, как мы приедем домой, и я стащу его с идеального тела, а потом буду трахать ее до тех пор, пока не попросит остановиться.

Ближе к вечеру понимаю, что она не позвонит сама, а я сижу в студии и не могу даже выйти.

Что мне мешает, собственно?

Оставляю краску сохнуть и еду в квартиру. Вряд ли за день она собрала все вещи. Их много. Даже слишком. Сама не утащит. Звоню. Гудок. Два. Тишина. Хорошо, что на этот раз абонент доступен.

Вспоминая наши отношения, можно выделить одно важное качество Яны, благодаря которому мы не расстались еще на стадии зарождения чувств. Понимание. Она поддерживала меня, когда я начинал продавать первые работы, скорбела вместе со мной на похоронах родителей и стояла рядом на первой сольной выставке.

Только сейчас это качество дало сбой. Точнее, вчера, когда она ушла от меня. Раз и навсегда. Почему я так решил? Потому что в квартире оказалось пусто. Гардеробная почти пуста: освобождена от женского шмотья. В кабинете больше не валяются бесконечные зарядки от телефонов. И правильно. Чем меньше воспоминаний, тем лучше. Это первое, что приходит в голову.

Вот только наша квартира превратилась в одно сплошное воспоминание о счастливых днях с Яной.

О, записка. На комод в гардеробной, словно Яна знала, что я первым делом зайду именно сюда.

«Прости, но я больше не могу. Не ищи меня, так будет легче».

Вот теперь точно конец. Без шансов. Без возможности вернуть все назад. Или...

Звоню по другому номеру, и в этот раз мне отвечают почти моментально.

– Эдгар! – рывкаю в трубку, когда гудки замолкают.

– О, привет, брат. Как подготовка к...

– К тебе Яна, случайно, не заявлялась? – спрашиваю с надеждой. Своей квартиры у нее нет, за один день вряд ли вопрос с жильем решит, а в гостиницу с таким большим багажом ее не пустят.

На той стороне молчание. Долгое. Напряженное. И ужасно раздражающее.

– Эдгар!

– Слушай... Она с Глебом сейчас.

Опять этот чертов Глеб! Они какое-то время общались, пока тот не начал клинья подбивать к моей девушке. Тогда я ясно дал понять, что ему лучше держаться от Яны подальше. Не осознал, видимо.

В голову лезут идиотские мысли, что Яна лишь нашла причину для разрыва, а сама давно встречалась с этим Глебом. Нет, это уже что-то из разряда мыльной оперы. В жизни такого дерьма не бывает. Яна не сука, чтобы расставаться со мной, а на следующий день уже быть с другим.

Сука...

Что-то разбивается о стену. Вдребезги. Наша фотография из Египта. Ее ладони будто бы держат пирамиды, а я держу ее в своих объятьях.

Сука!

Я же любил тебя! Анализы эти гребаные хотел сдать! Всего себя отдавал, жениться хотел!

Завести семью...

Теперь внутренности сжимаются в тугой комок. Сердце болит. Все вокруг напоминает о ней. Каждый уголок пентхауса. Каждая соринка. Сука!

– Олег, ты тут? – спрашивают в трубке. Ах да, я же разговор не закончил.

– Мне нужна новая квартира.

И бросил трубку. Эдгар все сделает, как надо, уж я-то знаю. Теперь и мне пора валить отсюда, а потом... В мастерской вроде бы коньяк оставался. Или водка. Неважно. Главное, чтобы горячее остановило этот поток мыслей.

Глава 2. Новая жизнь

– Да у тебя тут здорово! Чувак, ты шикарно все провернул! – восхищается Эдгар, отсалютовав бокалом шампанского. – Отличный пиар-ход!

Когда я позвонил другу и предложил устроить выставку в новой квартире, он тут же обрадовался и внес встречное предложение: сделать ее благотворительной. Больше прессы, больше покупателей и популярности. Хотя куда мне? И так уже заработал целое состояние.

– Не без твоей помощи, – говорю в ответ, забрав у официанта с подноса свежую порцию шампанского. Не могли что-то другое заказать? Ах да, высший свет ценит только подобие «Буратино».

– За этот день.

– За него.

Новоселье в самом разгаре, а если быть точнее, новоселье-выставка. А что? И квартиру показал всем любителям слухов и сплетен, и новые работы официально представил. Хотя, как мне кажется, пол-Москвы сюда явилось только ради того, чтобы поглядеть на мое изможденное лицо.

– Хорошая покупка, – произносит Эдгар как бы между делом. – Посмотри, какой вид! И освещение подходящее.

– И студия через стенку.

– Нам повезло, вовремя позвонили. Яна бы заценила...

Прошло больше двух месяцев с того момента, как я расставил все точки над «і». Осознал, что былого не вернуть, а наше счастье высыпалось из ладони, как пляжный песок. Такой же неудержимый. Сыпучий, если не полить его водой и не сформировать в кулич. Я не смог удержать, а Яна не захотела ждать, пока ход моих мыслей изменится

Если честно, тот период я не помню. Вот вообще никак. Находился между двумя состояниями: осознанной реальностью и каким-то помрачением сознания. И как бы странно это ни звучало, картины при этом писались гораздо лучше. И получались более успешными в коммерческом плане.

Эдгар был в восторге. Придирчиво рассмотрел полотна, оценил их дороже моих стандартных работ, однако от внимательного взгляда старого друга не укрылось мое состояние. Ничего удивительного. Я сильно изменился за эти месяцы. Постоянная работа, несоблюдение режима питания и пара бокалов виски по ночам делали свое дело.

– Прости.

– Ничего, забей, – отвечаю я, влив в себя оставшуюся в бокале жидкость. Лишний раз убеждаюсь, что это редкостная гадость.

– Слушай, я все понимаю, у тебя трудное время, но зачем такие картины выставлять? Что за «Гробовщик» в серо-красных тонах и «Превратность»? Где тот шедевр, который ты месяц назад мне показывал?

«А я-то думал, что ты всем доволен, Эдгар...»

– Ты о «Хлое»?

– Да. Мне кажется, наброски были великолепны.

Еще бы! Ведь я срисовывал ее с Яны. С прекрасной фигуристой женщины с яркими болотными глазами. Они смотрели на меня то с любовью, то со злостью, то с гневом, то с желанием оказаться подо мной в сию же секунду. В итоге от моего ангела остались очертания зоны декольте, разбросанные в разные стороны пряди темно-русых волос. Чуть темнее пшеничных. Чуть светлее каштановых. На месте лица так и осталась пустота.

– Не пришло ее время. – Подхватываю еще один бокал шампанского и осушаю его до дна. – «Хлое» чего-то не хватает.

Чего именно, никто из нас вслух не произнес. Чересчур много лишних ушей собралось в моем новом доме.

– Слушай, я так и не понял, почему вы расстались?

Тебе прямо все рассказать? В подробностях? Со всеми вытекающими? С ее словами о том, что мы не можем быть вместе? О том, что она устала? Что мечтает о детях, а я неподходящая кандидатура на роль их отца? Ты это хочешь услышать? Или то, как я почти скатился на самое дно, заливая горе первые три дня то водкой, то коньяком? Как рвал полотна с едва высохшей краской? Как превратил свою студию в изломанную радугу?

– Отвали от меня, громила хренов! – внезапно выкрикивает кто-то в толпе, обращая на себя всеобщее внимание. В

том числе и мое.

В основной зал врывается наш охранник Антон, а за ним шагают еще два шкафа, удерживая в руках черное пятно на ножках. Мужчины расталкивают оказавшихся на пути гостей, создавая вокруг себя подобие круга, и останавливаются около нас с Эдгаром, держа за шкурку какого-то пацана. Грязного, потрепанного, лицо скрыто под местами порванным капюшоном.

– Отпустите меня, говнюки!

Чего у него голос такой писклявый, как у девчонки?

– Олег Дмитриевич, – начинает один из охранников, – эта пигалица пыталась вломиться к вам. Вы ее приглашали?

Это девушка? Серьезно? Что-то не очень похоже. И что, вообще, дети делают на моей выставке? Только не говорите, что малолетки нынче тащатся от абстрактных набросков и обнаженной натуры. Не поверю.

– Нет.

– Слышала? Тебя сюда не приглашали, так что проваливай!

– Не пойду!

Оно (уж не знаю, какого пола это черное пятно) снова держится. Капюшон падает с головы. Люди вокруг испуганно ахают. И почему же? А все просто. Наше безразличное общество не привыкло, чтобы в одном помещении с ними находился измазанный подросток. Да, именно измазанный. Судя по глазам, тушь точно потекла. Что случилось с помадой на

полных губах – неизвестно. Съели, скорее всего, но красные следы остались.

Девчонка поднимает на меня глаза. Яростные. Затравленные. Наполненные лютой ненавистью ко всему окружающему. Худощавая. Я бы откормил тебя, как следует, и куртку эту огромную снял. Ах да, еще бы причесал. Как можно ходить с такими колтунами, если волосы по пояс?

– Суки! Зажравшиеся суки! Никакая это не благотворительность, ясно?! – кричит она.

– Уведите ее, – приказывает Эдгар охранникам.

– Да пошли вы все на хер! И ты, гребаный мудила, – она смотрит на меня, – иди на хер! Зажравшиеся суки! Это дерьмо на стенах ничего не стоит! Вам всем карманы набить надо! А дети умирают из-за вас! Суки!

Эта фраза обидела бы меня лет десять назад, но не сейчас. Сколько критики я повидал на своем веку! И мнение, высказанное какой-то малолеткой, вряд ли заставит меня бросить живопись. Так, что она там еще говорила?

– Приносит же черт этих попрошаек, – хмыкает друг, делая новый глоток шампанского.

О, вспомнил. Дети гибнут. Что, очередная защитница государственной бесплатной медицины в стране? Ее не будет, дорогуша! Зато именно такие вечера, как этот, помогут спасти многих больных.

– Так на чем мы остановились? – Эдгар выводит меня из раздумий.

– Вроде бы мы говорили о Яне, – это имя уже не так больно произносить, уже не так сильно сжимает грудь. – Давай отойдем.

Вспоминаем о лишних ушах. Да-да, эти стервятники то и дело проходят мимо, наострив свои маленькие ушки в дорогих сережках. Женщины до сих пор глаз отвести от нас не могут. Причем как от Эдгара, так и от меня.

– Яна хочет детей, – говорю я, когда мы выходим на улицу. Рядом с нами стоят только охранники. Той девчонки поблизости не наблюдается. – Оба здоровы, у обоих было желание, но...

– А! – перебивает Эдгар. – Ты анализы не сдал! Точно!

– А ты откуда знаешь?

– Так она на днях рассказывала.

Прелестно. Кому она еще растрепала о нашей личной жизни? Своему Глебчику наилюбимейшему? Теперь я готов расценить любопытные женские взгляды немного иначе. Наверное.

– Забей. Расстались и расстались. Она со своим Глебом, а я один как-нибудь справлюсь. – Достаю сигарету, закуриваю. Снова начал курить, когда почувствовал безысходность. Когда понял, что эту пустоту сможет заполнить только никотин.

– Я бы не ставил крест на ваших отношениях. Ты же любишь ее.

Люблю. Что бы она ни натворила, люблю. Что бы ни сказала и как бы ни пряталась от меня. Люблю, хоть всеми си-

лами пытаюсь забыть ее.

– И что ты предлагаешь? Отбить у этого Глеба? – выдыхаю дым тонкой струей.

– Хотя бы анализы сдай. Докажи, что ты здоров, что вы сможете завести потомство.

– Ты серьезно? – смотрю на спокойное лицо друга, лишенное малейших признаков насмешки. – Ну, сдам я эти анализы, принесу справки, дальше что? Она меня простит и обратно примет?

– Возьми и попробуй. Может, она станет более лояльна к тебе.

Лояльна? А нужна ли мне лояльность женщины, которая при первой же возможности ускакала к другому? Нужно ли ее прощение, раз я простить не могу? Вряд ли.

Сама мысль о том, что мне придется валяться в ногах Яны, противна. До чертиков. Только это дебильное чувство, которое появилось с первого взгляда на мою женщину, не позволяет ответить категоричное нет.

Моя...

– Сдай не для нее. Для себя. Вдруг у тебя действительно проблемы, а новая телка этого не примет?

– Да плевать мне на эту новую телку и...

– Я дам тебе номер отличного врача, проверит-перепроверит.

Не убьет, так замучает! Ладно уж, схожу к этому крутому доктору. Не люблю дурацкие поликлиники, но, честно,

мне уже самому любопытно. С какого перепугу я могу быть нездоров? Всю жизнь ощущал себя самым настоящим огурчиком, даже с того света меня достали, а тут какое-то зачатие не выходит. Выйдет все. И эти долбаные справки швырну в лицо Янке! Докажу, что она зря нам обоим мозги парила! А потом оставлю – с ее же ошибками и предрассудками!

Раз и навсегда!

Глава 3. Диагноз

– Как это – бесплоден?

– Вот так. Видите анализы? Ваши сперматозоиды не способны на оплодотворение яйцеклетки. Вы не можете иметь детей. Сочувствую.

Вот я и пошел на следующей неделе по совету друга в лучшую клинику столицы. Точнее, в центр планирования семьи. Лучше бы дома остался, чем такие замечательные новости слушать!

Внимательно смотрю на миловидную женщину лет сорока, стараюсь найти в ее глазах хоть каплю лжи или хотя бы сарказма. Вдруг разыграть решила? Но это не так, и бумажки, лежащие передо мной на столе, лишь подтверждают диагноз. Какая активность у сперматозоидов? Что эта циферка означает? Не знаю. Ни хрена не разбираюсь в научных терминах.

– Ничего сделать нельзя?

– Могу предложить пройти лечение, но это займет не один год. Не факт, что вы достигнете результата. Вам решать.

Я вроде говорил, что не особо горел желанием иметь детей? Нет, не так. Я не придавал этому такого уж огромного значения, в отличие от Яны, но сама мысль о том, что я никогда не смогу подержать в руках собственного ребенка, особой радости не приносила.

Представьте, вот вы живете себе, живете, строите карьеру, влюбляетесь и думаете, что там, впереди, еще полно времени. И когда-нибудь вы будете держать на руках дочку или сына и показывать свои картины.

Но в моем случае этого «когда-нибудь» никогда не случится. Или же...

– Хрен с вами, давайте лечение.

Думаю, не стоит говорить, что диета и запрет на курение возобновились. Хорошо, что в санаторий не отправили, как какого-нибудь старпера.

Но все же закуриваю, стоит только покинуть стены больницы.

Вредно? Плевать. Здесь нельзя курить? Плевать. Облака сигаретного дыма успокаивают, создают некое подобие релакса, а это мне как раз и требуется. Самовнушение. Закуриваю вторую. Третью. Но напряжение и скованность никуда не уходят. Как и мысли, которые никогда в жизни не возникли бы вплоть до этого момента.

– Олег? – окликает знакомый нежный голос.

Вы что, издеваетесь надо мной? Эй, кто там наверху нашими жизнями заправляет? Тебе делать, что ли, нечего? Почему именно сейчас надо было столкнуть меня с Яной? И с этим Глебом! Специально, да? Чтобы я лицо ему начистил, а эту женщину назвал шлюхой? Не представляете, как язык и кулаки чешутся. И плевать, что сердце в груди застучало быстрее, стоило только нежный голос бывшей услышать.

И стоят эти два голубка под руку, как идеальная пара с обложки, напечатанной для завистливых домохозяек. Даже тон одежды одинаковый подобрали – небесно-голубой. Яне, с ее роскошной фигурой, шло, а вот этому придурку...

– Прости, я спешу!

– Олег, подожди, – Яна хватается меня за руку. Касается нежными пальцами моего грубого запястья. Как тогда, когда мы ссорились, а я хотел выйти на балкон покурить, и бархатистость ее рук и пронзительный, даже умоляющий взгляд останавливали меня. Но не сейчас. – Как ты?

А что, не видишь? Ты меня кинула, упрекала в отсутствии детей, а теперь спрашиваешь, как дела! Да еще и глазами своими по лицу шаришь, дабы увидеть подтверждение моего падения. Словно знала диагноз наперед.

Но как бы ты ни старалась, я скрою от тебя все признаки, буду врать, сколько понадобится, лишь бы снова твои аккуратные туфельки на длинной шпильке не впились мне в сердце и не проткнули его насквозь.

– Мне. Надо. Идти.

Лучше так, чем срываться при когда-то любимой женщине. Любимой до сих пор. Их сцепленные руки действуют на меня, как красная тряпка на быка. Только, в отличие от животных, я стараюсь держаться, игнорируя внезапно возникшую перед глазами красноватую пелену, частично закрывающую мне свет в конце тоннеля. А точнее, в конце улицы, куда я сворачиваю и лечу к машине.

Опять эта пустота в груди. После встречи с Яной она чувствуется острее. Словно внутри проделали вилкой маленькие дырки. Обычно этот способ используют, чтобы мясо лучше пропеклось, а у меня складывается ощущение, что пекусь я.

«Хуже быть не может», – думаю я, заводя мотор.

«Может», – отвечает голос разума, а через пару секунд я врезаюсь во что-то очень хрусткое и пищащее. Причем так пронзительно, что даже сквозь закрытые окна слышно.

Это что еще за на хрен?

Через зеркало заднего вида видно только темное пятно на снегу. И это точно не грязь.

Глушу мотор, выхожу из машины. Практически под колесами валяется какая-то девчонка в темной куртке, похожей больше на мусорный мешок. Если бы он не шевелился, подумал бы, что дворники совсем обленились и забыли за собой убрать.

– Ты что делаешь, придурок? Не видишь, я иду? – доносится до меня тот самый возмущенный «визг» из-под капюшона.

Знаете, картина достаточно знакомая. Вот прям ностальгия какая-то чувствуется. Тот же мусорный мешок, тот же голосок звонкий, слипшиеся пряди темных волос и личико, спрятанное под капюшоном. А нет, уже не спрятанное.

– Жива? Не ранена?

– Нет, блин, просто так валяюсь! Жива, скажи спасибо...

ай! – девчонка осторожно дотрагивается до своего локтя. Симулянтка! В больницу не отвезу, денег не дам! Знаю я вас – охотниц за деньгами!

– Давай помогу, – наклоняюсь и поднимаю ее, подхватив подмышки.

– Не надо! Без тебя справлюсь, Шумахер хренов!

– За языком следи!

– Ты мне руку сломал! Эй! – пищит она, когда я резко поднимаю грязный рукав и осматриваю «травму». Прощупываю то место, где предположительно сломана рука. Вроде ничего критичного, от боли не кривится, даже рукой шевелить может. Пустобрешка!

– Все нормально с тобой, не преувеличивай.

– Но у меня рука болит!

– Поболит – пройдет.

– И это все? – она упирает свободную руку в бок. – Я, между прочим, могу в суд подать!

– Нечего под колеса прыгать, поняла? – рычу, все еще держа за локоть. Встряхиваю, пытаюсь указать ее место, только, видимо, безрезультатно: она продолжает смотреть на меня своими наглыми темными глазами так, словно я на самом деле виновен в ее «травме». – Свободна.

Отталкиваю ее и сажусь в машину. Руки трясутся. Дожили! Надо закурить. Успокоюсь, может. Твою мать! Закончились. Врачиха вроде как говорила, что нужно воздержаться от курения. Хрена с два!

Закрываю дверь машины и иду в ближайший магазин. Симулянтки, на счастье, поблизости не наблюдается. Ну и хорошо. А то бы подумал, что она меня преследует. Дура малолетняя!

– С вас триста двадцать пять рублей пятьдесят копеек, – говорит полная продавщица, глядя на меня стальными глазами из-под редких черных ресниц. Как на говно смотрит, давайте будем откровенны. И опять же, мне наплевать.

Расплачиваюсь под укоризненный вздох женщины и забираю свои сигареты и три банки «Страйка». Не знаю, зачем купил, на всякий пожарный. Первая улетает моментально, стоит только выйти из магазина. Ну и гадость! И это я пил раньше? Нужно ли говорить, что я дебил? Думаю, вы и сами так считаете.

Вот теперь мне спокойнее. И «Винстон» очень вовремя. Фух! Пора ехать. Куда? Ах да, мне же сегодня должны кровать привезти. Совсем из головы вылетело!

Спешу к машине, завожу мотор и вспоминаю, как когда-то я так же быстро спешил в нашу с Яной квартиру, когда мы ждали нашу кровать...

Сука!

Вновь эта чертова красная пелена заслоняет все вокруг. Не вижу дороги, не понимаю, в какую сторону еду. Пробок нет. Объезжаю немногочисленные машины, создавая аварийные ситуации. Что, не нравится, когда вас подрезают? А меня это не колышет! Сами виноваты! Не хрен, как черепа-

хи, плестись по трассе!

Почему так больно? Грудь сжимает, словно с двух сторон на меня давит пресс. Давление постепенно усиливается, уже ломает ребра, а острые осколки задевают жизненно важные органы. И протыкают. Насквозь.

Чертова Яна! Чертов хахаль, чертова врачиха, которая предложила мне бесполезное лечение. Чертова грязная симулянтка со слипшимися волосами! Надеюсь, она никогда больше не появится в моей жизни!

Никогда!

– Я дико извиняюсь, но вы не в ту сторону меня везете.

ДА ТВОЮ Ж МАТЬ!

Резко жму на тормоза. Девчонка чуть ли не на переднее сиденье выпадает, спасло только то, что ее мелкие ручонки держались за спинки кресел. Какого хера тут происходит?

– Не зыркайте так на меня, мистер Правильная Морда Лица! Не настолько я страшная!

Она что, издевается, да? У меня чуть сердце из груди не выпрыгнуло! Вон сзади машины гудят, а я даже аварийку не включил.

– Ты каким хером тут оказалась?

– Ах это... – она хитро улыбается, глядя на меня блестящими глазами. И нет, блестят они не от слез. – Прокралась, пока вы в магазине были.

– Я же машину на блокировку ставил!

– Уверены?

Только не говорите, что бэха меня подвела! Это же хренова «БМВ» за хренову тучу лямов! Она не могла сообщить на ключах о блокировке, а по факту не включить защиту!

– Ты в курсе, что уже третий раз при мне нарушаешь закон? – внимательно смотрю на это наглое девичье лицо. Нет, не девичье, детское. Если отмыть от странных пятен под глазами.

– Да? – поднимает темные брови вверх. – А ты докажи!

– Не налей, девочка, – беру ее за шкирку, чувствуя под рукой что-то мокрое и липкое. – Я в два счета могу стереть тебя в порошок.

– Ох уж эти угрозы, – говорит она устало. – Знаешь, я и не такое слышала, когда людишки хотели избавиться от ненужного тела. Жива, как видишь.

Это кто, вообще, такая? Что за быдло? И почему она вся грязная? В душ бы сходила. Ощущение, что на помойке с бомжами живет. Хорошо, что не воняет, как из мусорки.

– Чего смотришь? Отвези меня домой!

– Ты, часом, не охренела? – таращусь на нее во все глаза, сильнее сжимая куртку. Еще немного, и я пропишу ей по самое не хочу и не посмотрю, что она девчонка!

– Учитывая, что ты на меня наехал, нет, – говорит она тем же нагло-спокойным голосом. – А еще ты за руль пьяным сел.

– Откуда ты...

– От тебя «Страйком» разит.

«Да что ты говоришь? А я что-то не особо опьянение чувствую. Веришь? Да мне плевать, в общем-то!»

– Давай ты меня по-быстрому довезешь, а я сделаю вид, что мы не встречались, – добавляет девчонка.

– А давай ты свалишь отсюда на хрен, а я не заявлю в полицию о порче имущества?

Да, это касается не только моей машины, но и вторжения в мою квартиру! Да, я все еще помню, как эта дура ногой обои в прихожей испачкала!

– Ай! – она снова хватается за локоть. – Мне дико больно! Рука! Моя рука! Зачем вы так! – вижу, как из правого глаза скользит одинокая слеза. Затем вторая, третья, но уже из двух глаз.

Во что я влип?

– Не особо правдоподобно.

– Органы подумают иначе, – девчонка шмыгает носом, смахивает рукой слезы и с тем же вызовом глядит на меня. Нашел на свою голову. И куда только ее родители смотрят?

– Ладно, – отпускаю ее и поворачиваюсь к лобовому стеклу. – Куда тебе надо?

– Ура! – девчонка тут же перебирается на переднее сиденье. – Битцевский парк. Чертаново. И побыстрее, пожалуйста.

Поворачиваю голову и смотрю, как она усаживается рядом со мной и глядит вперед так невозмутимо, словно я королеву Англии подвозить собираюсь. Она не поворачивает-

ся, не ухмыляется. Ждет, когда мотор заведу. Пачкает своими огромными мужскими ботинками кожаное сиденье, усевшись на нем в позе эмбриона. Капли уличной грязи стекают по нему, а потом и на пол.

– После тебя даже химчистка с грязью не справится, – замечаю я.

– Что? – все же поворачивает ко мне голову и окидывает темным взглядом. – Ах, это? Ну, сорян, у меня живот побаливает.

– Живот?

– Месячные. Ты не слышал о таком?

– Ну, знаешь ли, в приличном обществе...

– Ай, ладно! Поехали уже!

Вообще, я хотел сказать, что постороннему мужчине необязательно знать, когда у этой особы из одного места кровоточит. Но ей же надо доехать куда-то! Не в больницу, что было бы логично, не в ментовку, что опять же соответствует обстоятельствам, а в парк. В гребаный парк!

Так, ладно. Надо вдохнуть, выдохнуть и молча доставить ее, куда попросит, а потом свалить в закат. Давай, Олег! С неадекватными натурщицами справлялся, и тут все получится.

– Открой бардачок и возьми салфетки, – приказываю, начав движение.

– На фиг?

– Лицо хотя бы умой, а то выглядишь, как трубочист.

– Что? – я этого не видел, но по тону понял, что сейчас она, скорее всего, испуганно выпучила глаза.

Девчонка тут же потянулась к бардачку, попутно откинула зеркало над головой. Я все это видел боковым зрением, одновременно следя за дорогой, и услышал ее очумелый короткий вскрик. Точнее, не так, вскрик человека, охреневшего от увиденного.

– Че ж ты раньше не сказал? Я же на пугало похожа!

– Ну, – задумываюсь, как бы помягче описать свое впечатление от ее внешности. – Судя по тому, что на мою выставку ты ворвалась примерно в таком же виде, мне показалось, что это у тебя в порядке вещей.

– Ты прикалываешься? Я слежу за собой, вообще-то!

– Поэтому выглядишь как бомж.

– Я не бомж! Сейчас так модно!

Вот губки дуть не надо, окей? Да-да, я видел, как ты нижнюю губу выпятила. И так пухлая, а сейчас кажется, что ее силиконом накачали.

– Грязь никогда не будет в моде.

– Тебе-то откуда знать, творец хренов? Старый уже.

– Значит, так! – произношу, когда мы останавливаемся на светофоре. – Либо ты затыкаешь свой рот, либо я высаживаю тебя прямо посреди дороги, и крутись, как хочешь!

– А как же...

– Уж с законом я как-нибудь разберусь!

Девчонка глядит то в лобовое стекло, то в боковое. Вни-

мательно осматривает местность, и потом, взглянув на меня своими темными глазами, без какого-либо намека на наглость говорит:

– Лады.

Никогда не думал, что мне хоть когда-то захочется ехать без музыки и разговоров. Но эта поездка исключение. Все. Наконец-то расслабиться могу, сигаретку закурить. Может, вторую банку открыть? Как раз энергии не хватает.

Если копы где-то поблизости? Они же любят хорошие тачки просто так останавливать. А тут и повод будет, и арест. Тратиться на них не особо хочется. Еще и преследовать станут, пока правила не нарушу. Кстати...

– Ты откуда тут появилась? Стерегла меня? – разрываю тишину, остановившись возле очередного светофора.

– Возможно.

– А если серьезно?

– Случайно увидела, – девчонка небрежно смахивает темные пряди с лица.

– Ты случайно встретила меня в центре города сразу же после срыва выставки? У тебя в роду сказочников не было?

– Вижу, ты недостаточно принял на грудь, – замечает она саркастично.

– Какая тебе разница?

– Честно? – она делает паузу. Поворачивает голову, осматривает меня внимательно. Лоб, скулы, подбородок, в глаза заглядывает. Словно ищет что-то интересное, но в итоге не

находит. — Вообще никакой. Жизнь тебя и так помотала.

Она специально, да? Или я теперь в каждом встречном буду видеть личного врага? Того, кто прочитал обо мне статью в «Википедии» и следил за хроникой сплетен...

— И это мне говорит какая-то малолетка? Не выросла еще, чтобы проблемы взрослых понимать.

— Ой, боже ж ты мой! — девчонка взмахивает руками. — Вы посмотрите на этого всезнающего старпера! Если мне семнадцать, это не значит, что я ничего не знаю о жизни! Да я побольше ваших взрослых проблем знаю, усек?

— И куда твои родители смотрят... — замечаю как бы невзначай, обгоняя машину, едущую рядом. Давно зеленый горит, а он встал посреди дороги. Придурок какой-то на гелике.

Не сразу замечаю, что в разговоре повисает пауза. Она ничего не ответит? Совсем? Ах да, я же просил ее заткнуться. Неужели решила послушаться? Слава яйцам! Или не слава? Да какая, к черту, разница? Главное, что замолчала, и больше не беспокоит.

— Дашь закурить? — протягивает свою холодную руку, не оборачиваясь. Только я обрадовался! И пяти минут не прошло!

— Мелкая еще.

— Слышь, давай сюда! — даже по профилю видно, как ее темные брови взметнулись вверх.

— Я не курю.

– Ага, я видела, как ты не куришь «Винстон» синий. Гони давай! – и протягивает ладонь. Нет, она издевается или как?

– Если не угомонишься, я тебя тут высажу! – смотрю на нее внимательно, она на меня. С вызовом. С этой чертовой дерзостью. Где там ее Чертаново? Нам еще ехать и ехать.

– Не высадишь, ты больше половины пути проехал, – говорит она уверенно, скрестив руки на груди. – Дай закурить.

– Ну, знаешь...

– Спасибо! – она довольно улыбается, покручивая в руках мою пачку «Винстон» и зажигалку. Даже не хочу спрашивать, каким образом эта девчонка за несколько секунд достала ее из моего кармана, и откуда узнала, что сиги именно там.

Может, реально посадить, чтобы не выдрючивалась? Задрала уже, честно. А, хрен с ним, еще немного осталось. Всего десять километров до гребаного Чертаново.

В салоне снова повисает тишина, нарушаемая лишь свистом ветра за окном. Она открыла, долго пыхтя себе под нос что-то о «крутых и непонятных тачках». Спасибо, что не в салоне дымишь!

– Давай обратно, – протягиваю к ней руку.

– Сам дал, а теперь жадничаешь? Не стыдно? – усмехается она, выдыхая дым, который неравномерно выходит из ее рта.

– Наглость тебе не идет.

– Ага.

– Давай сюда, говорю!

Фыркает. Кобенится несколько минут. Но все же кладет коробку обратно в карман. Умница.

Осталось совсем чуть-чуть. Ты правильно делаешь, что молча пыхтишь. Да-да. Сейчас эта гребаная пробка рассосется, и я вскоре избавлюсь от тебя, нахалка чертова. Чувствую, что после этой поездки еще несколько пачек подряд выкурю.

– Слышь, можешь на вопрос ответить?

Начинается.

– Слушаю, – закрываю все окна, когда она докуривает и швыряет бычок наружу.

– Почему вы его убили?

– Ты о чем?

Смотрит четко на меня. Ее лицо уже не такое озорное, как раньше, из глаз наглость пропала. Чистейшее любопытство. В темных глазах эмоции видны лучше. Странно, да?

– Я о фонде.

– Какой фонд? – недоумеваю я.

– Ну, тот, которому деньги перечислили после выставки.

А я откуда знаю? Этим занимался Эдгар. Он предложил, я не противился. Ровным счетом ничего бы не изменилось. Последняя выставка принесла мне огромную популярность, следующая не за горами. И я получу с этого больше денег, чем мог бы без оказания помощи благотворительному фонду. Только каким боком здесь замешана эта девчонка? Они же оказывали помощь маленьким детям, а не подросткам.

– Деньги распределяются равномерно между всеми пациентами, большинство больных детей восстановились после пережитых операций...

– Не все, – перебивает она.

Снова тишина. Напряженная. Но именно она дает девочке возможность глубоко вдохнуть, выдохнуть и сказать:

– Недавно от сердечной недостаточности умер мой друг. Ему назначили пересадку, даже донора сердца нашли, остался вопрос оплаты. Он числился первым в списке, кого должны были спонсировать. В итоге деньги достались девочке с гастритом, у которой мама работает в мэрии. Он просто не дождался.

По идее, этот монолог должен был на меня как-то повлиять. Застать врасплох, в шок привести или, что было бы хуже, я мог потерять управление. Но ничего из этого не произошло. Какое мне дело до чужого мальчишки? Никакого. Это реальность. К сожалению, судьба не всем склонна помогать в трудную минуту.

– Сочувствую, – единственное, что могу сказать в этот момент.

– Поздно. Его все равно не вернуть. Просто бесит, что элита решает, кому жить, а кому нет.

– Не все решает элита.

И зачем я, вообще, возражаю? Сам прекрасно понимаю, что она в какой-то степени права. Даже не в какой-то степени, а полностью права. По себе знаю, как состоятельные лю-

ди могут по щелчку пальцев сломать жизнь обычных людей, вот и девчонке досталось. Вряд ли она соврала ради красного словца.

– И что же она не решает? – в голосе слышится любопытство. Не веселое или хитрое, скорее серьезное.

– Она не властна над чувствами людей.

– Ты так много об этом знаешь?

– Да.

Снова между нами повисает тишина, а я мысленно ей радуюсь. Как и тому, что девчонка спокойно сидит, опустив наконец-то ноги на пол, и смотрит в лобовое стекло. Не всегда. Периодически ловлю на себе странные взгляды. Мимолетные. Но не обращаю внимания. Пробка рассасывается, поток машин уменьшается, а до конца поездки осталось совсем немного.

– Ну, все, вылезай, – говорю я, нашаривая в кармане пачку сигарет. Хоть покурю нормально.

– Спасибо, что подвез, – отвечает оборванка, оглянувшись на меня перед выходом. Ну вот, симпатичная девушка, с чистым личиком, с красивыми большими глазами. Не дерзит, обращается вежливо, даже спасибо сказала. Вот почему раньше нельзя было проявить самые достойные черты своего характера? Может, я бы даже мороженое купил в качестве извинения за «травму». – Кстати, спасибо за месячный запас сиг, – и тут же захлопывает дверь за собой.

Не понял? Что значит месячный? Я же одну только дал.

Постойте-ка...

Достаю из кармана пачку «Винстона», открываю, а там всего одна сигарета осталась. Вот сучка малолетняя! Только попробуй еще раз попасться мне на глаза! Прикончу собственными руками!

Не буду за ней гнаться! Перебьется! А меня еще доставка ждет. Черт! Меня новая кровать ожидает, а я с какой-то девчонкой вожусь!

Глава 4. Возрождение Евы

– Подъем! – раздается женский голос на всю комнату.

Что? Уже утро? Я же совсем недавно спать легла! Только что головой подушки коснулась. Может, слышалось? А нет, семь утра.

Не стоило вчера гулять допоздна, но так надо было. Мне надо. Возвращаться домой совсем не хотелось, да и сейчас я с удовольствием оказалась бы подальше отсюда. Полгода осталось, верно? Выпуск, поступление в универ и свободная жизнь. Еще немного.

– Ева, вставай!

Нужно как-то отреагировать на ее касания, на то, как меня аккуратно трясут за плечо, чтобы проснулась как можно быстрее. Знает же, что я притворяюсь, но все равно ждет, когда глаза открою. Этого не случится.

– Ева...

Не пытайся быть ласковой. Все вокруг знают, что это лишь оболочка, скрывающая натуру самой настоящей стервы. В глаза смотришь с любовью и пониманием, но стоит только оказаться за дверью, тут же докладываешь директору обо всем, что произошло. Все то, что мы доверили тебе. И чем сокровеннее секрет, тем быстрее он доходит до директора.

– Она ушла, – шепчут вразнобой девчонки в комнате.

Странно, что я хлопок двери не услышала. Может, она решила проявить благородство и тихо за собой закрыть дверь? Как мило.

Стаскиваю с себя одеяло и резко поднимаюсь с кровати. Ой. Зря я это сделала. Голова тут же кружиться начинает, темные пятна перед глазами. А нет, все проходит. Поесть бы.

– Ну, че, как сходила? – спрашивает Надька, глядя с таким предвкушением, будто я сейчас поведаю все тайны мира. Не забывайся, мы не лучшие подружки и косметику с тобой делить не станем.

– Нормально.

– И все? – она выпучивает глаза. – А про Мишку что ска-
зали? Ты выяснила? Почему не успели бабки перевести? Ну?

Сердце в этот момент замирает. Отмирает. Умирает. В общем, сами слово подберете. Но это последнее, о чем хочется говорить с утра пораньше.

– Не твое дело.

– Я че, твою задницу зря прикрывала? – воет она.

Стараюсь не смотреть на Надьку. Прохожу мимо ее кровати. Иду в ванную, пока очередь не выстроилась. Но стоит мне выйти оттуда вроде как посвежевшим человеком, наты-
каюсь на ее строгий взгляд снизу вверх.

– Ты не ответила! – цедит Надька.

– Слушай, отвали, – снова прохожу мимо. Фух! Нако-
нец-то в покое оставила!

– Это ты во всем виновата! – летит мне в спину. – Из-за

тебя он в драку ввязался! Ты же знала, что ему плохо! Знала! – истерично кричит соседка. И как бы я ни отдалялась, эти слова настигают меня. Застревают в голове. Прокручиваются там.

Никто вокруг не даст об этом забыть. Никто. Виновата всегда я. Во всем. Так сказала Надька. Ванька вчера масла в огонь подлил. И никого не волновало, что именно он драку затеял, а Миша... Он просто поступил, как настоящий друг и мужчина – встал на мою защиту. Вот и итог. Нет, его не забили до смерти Саньковские ребята, но сделали так, чтобы здесь он больше не появлялся.

Их мечта сбылась.

Я понимаю Надю, все-таки не каждой приходится пережить смерть любимого. А мне было сложно осознать, что я навсегда осталась одна. Только представьте, еще несколько недель назад он был в нашей группе, веселился вместе со всеми. И в один миг его не стало.

– Ева! Слышишь меня?

– Если не заткнешь свою хлебoreзку, я тебе... Ой, – тут же затыкаюсь. И руку за спину убираю. Не заметила, как замахнулась. Неудобно-то как. – Простите, тетя Галь.

– Ничего, Евушка, – говорит она ласково. – Садись за-тракать.

И улыбнулась. Так беззаботно, словно не я тут угрожала расправой. А я могу. Она знает. Но тетя Галя в курсе, что ее и пальцем никто не тронет. Вот скажите, кому захочется

плевать в душу единственному человеку, который о нас заботится?

— Снова Надя на тебя накричала? — осторожно спрашивает женщина.

— Ага.

— Не обращай внимания, — она нежно гладит по моей макушке пухлой рукой. — Ты ни в чем не виновата.

— Еще бы этой дуре в голову впихнуть.

— Она тоже переживает. Время лечит, девочка моя.

Хочется на это надеяться. Очень хочется поверить в слова тети Гали, но по себе знаю, что время не поможет. Не вылечит. Не выгонит боль, разрывающую сердце на куски. Никогда.

Завтрак проходит в тишине. За стол подсаживаются другие ребята. Надька смотрит на меня с презрением и ненавистью в глазах, остальные тоже косятся, словно рядом кусок дерьма сидит. Плевать. Уже привыкла за эти дни. Да и за годы тоже.

День как день. Просиживание задниц на уроке, скучная лекция о подготовке к экзаменам. Бред. И так знаем, что будет непросто, не всем выделяют бесплатные места в вузах, не всех смогут пристроить, если не постараться. И квартиры не всем дадут. А я слушаю бред математички и думаю, когда же это все закончится. Когда в нас прекратят тыкать пальцем, как в наркоманов? Когда мы станем самостоятельными и вырастем железной броней против всех нападков или безразли-

чия взрослых?

Когда нас перестанут убивать?

Наступает вечер. Свободное время. Уроки делать неохота. Тем более нам почти ничего не задали.

— Ева, — в комнату врывается мелкая девчонка, заставляя всех сидящих повернуться к ней. — Тебя Римма Васильевна вызывает.

Я смотрю на девчонок. Те делают вид, что не замечают мои вопросительные взгляды. Надька уставилась в учебник по биологии с таким интересом, словно картинку с мужскими гениталиями на всю страницу откопала.

Чего меня жаба вызывает? Не делаю даже попыток создать интригу. Не хочу. Ответ и так знаю. Давно ждала, когда настанет мой черед получить по заслугам. Хотя с какой стороны посмотреть. Если бы не жадность и желание нажиться за счет государства и слишком наивных людишек, то наши жизни были бы чуть лучше. Но мы довольствуемся тем, что дают. Кормили, крышу над головой дали, и то хорошо.

Как послушная девочка, стучу три раза, чтобы гримза успела спрятать в ящик украденные у нас деньги, и захожу, не дожидаясь разрешения.

— О, явилась! — начинает женщина строгим тоном, но если внимательно присмотреться к выражению спокойного на вид лица, то можно увидеть недовольство первой степени.

— Вызывали?

— Конечно, Евочка. Присаживайся.

Остаюсь на месте, скрещивая руки на груди. Недовольство первой с половиной степени.

– А теперь напомни, что я говорила по поводу прогулов и выхода на улицу?

Действительно, что же? Она когда-то произносила несвязные фразы о том, что хорошее образование – спасение из этой жизни, или же отличные оценки и наблюдение за ребятами из группы дадут мне индульгенцию. Только меня не просили, мне приказывали. А я не люблю ни слушать, ни выполнять приказы.

– Ничего.

– Ева! – говорит с легким нажимом.

– Я не имею права погулять по городу? – смотрю в упор в черные глаза женщины. Морщинка между бровей становится заметнее, глаза сужаются, губы поджаты. Недовольство второй степени.

– Не имеешь.

– Ага.

– Ева! – стучит она кулаком по столу. Лет десять назад я бы вздрогнула, но не сейчас. Иммунитет к таким пугалкам выработался давно. – Ты была наказана за проступок. Тебе запрещено покидать эти стены, пока...

– То есть Ваньке можно, а мне нельзя?

– Повторяю в последний раз. Тебе запрещено покидать стены интерната, пока ты не осознаешь свою вину!

– Я не виновата!

Вот еще – я признаваться буду! Хренушки! Он сам набросился, нарушил те же правила, что и я, и со своими братанами избил Мишу. Из-за него мой друг оказался в больнице, из-за него сердце дало сбой, и потребовалась срочная операция.

Из-за него я потеряла самого близкого человека на свете...

– Ты сбежала в учебное время, влезла в драку и подставила своего товарища под удар. Впредь будешь находиться под моим постоянным присмотром, – чеканит так, словно выносит приговор. Но это бред полный.

– Черта с два!

– Как я погляжу, тебе лекарства совсем не нужны?

А вот теперь ее слова не кажутся бредом. Теперь действительно меня приговорили к адскому существованию возле самого пекла. Где брызги лавы долетают до пребывающих там темных душ и приносят боль. Разрушают оболочку. Раз и навсегда.

Без возможности на восстановление...

Эта сука знает, на что давить. Никто ей не помешает осуществить план и убрать неугодных. Ее муженек в руководстве города работает, хрен кто скинет эту грымзу с должности, и в тюрьму ее не посадят за нарушение закона. Так всегда. Если бы не она, я бы уже давно ушла отсюда и жила бы счастливой жизнью.

С любящими родителями...

Стоп, Ева! Вспомни, они всегда только поначалу добрые. Стоит только покинуть стены заведения, они превращаются в настоящих правителей адской цитадели. Где у тебя нет права на личное мнение, на лишний вдох. Ни на что, кроме существования и получения пособия. Но поняла я это не сразу.

– Вот и славно, – директор нарушает тишину, возникшую между нами. – Иди на уроки и извинись перед Иваном.

– За что? – чуть ли не выкрикиваю я.

– За моральный и физический ущерб.

– Но я не...

– Таблетки!

Сука! Гребаная сволочь! Знает же, что без них я труп. Была б ее воля, давно бы мне ничего не давала и позволила бы умереть, как бездомному щенку.

Как Мише...

Она раздавала нам по минимуму, медсестра следила, чтобы мы соблюдали режим. Только его не было с самого начала. Лекарств не хватало. И ни единую душеньку в этом богом забытом месте не волновало наше состояние. Наша боль. Наше здоровье, которое не улучшалось.

А вот любимому Ванечке позволено все! И лекарства в нормальных дозах, и за прогул уроков по башке не получает. Даже драться может с кем угодно и где угодно. Его не накажут, не посадят в изолятор. Нет. Он же любимчик, подает надежды в науке. Знаете какие? Рассказать?

Их нет. В смысле надежд. Есть только одна, и зовут ее Римма Васильевна.

Этот гад у меня за все ответит. Все ответят. За слухи, которые тот придурок распустил, за драку с Мишей, за больницу, где с ним обращались, как со скотом.

И за деньги, которые ему так и не перевели...

Сука!

Как будто Ванька не знал, что с ним может случиться, если меня довести. А он довел. До грани. И я готова прямо сейчас ее переступить. Этот придурок еще попляшет у меня. А лекарства... На счету вроде бы осталось немного денег. Хватит, надеюсь, на упаковку.

Тихо прохожу в комнату, где, радуясь, что все сидят в общей гостиной, не смежной со спальней, надеваю верхнюю одежду и так же на цыпочках выхожу. Только не к выходу иду, а к подвалу. Мало кто знает, что там есть проход. Как в Хогвартсе было семь потайных ходов. Вот и у нас есть, только один. Выводит сразу же к люку. Силенок бы хватило его поднять.

Знаю, где эту сволочь искать. Как обычно, в парке шатается со своей компашкой. Скажет, что был на уроках, даже домашку готовую покажет. Не знаю, откуда он ее берет. Да мне по хрен. Сейчас главное – найти его. И чем скорее, тем лучше.

Он у меня получит. И тот художник-благотворитель получит. Козел.

– О, куда спешишь, малая? – путь преграждает Санек. Он тоже когда-то был детдомовским, пока родителям не вернули права и его не забрали в обычную школу. Теперь недалеко от нас ошивается, следит, как говорится. Только эта слежка что-то не особо помогает.

Мише не помогла...

– Ваню видел?

– А, этот? Так он в парк потопал.

– Ты идешь со мной, – тяну парня за руку и иду в сторону входа в парк. Как хорошо, что разница в росте небольшая, всего пара сантиметров. Иногда удобно быть высокой. Ключевое слово – иногда.

– Эм... Я вообще-то собирался...

– Этот ублюдок пристал ко мне на улице, избил Мишку и обвинил во всем меня. А потом...

– Ясно, пошли.

Теперь уже Санек тянет меня за руку в нужную сторону. Идем. Быстро идем. На бег переходим, когда видим одну из нянечек интерната. Та немедленно все директрисе доложит, да еще и премию получит, и Санек знает об этом, как никто другой.

Сердце стучит как бешеное. Задыхаюсь. Быстро устаю. Давно не бегала. Но лучше так, чем спалиться перед очередной грозой.

– Ты как? Можешь дальше? – спрашивает парень, когда мы проходим за ворота и останавливаемся посреди аллеи.

Темно так. Одна лампочка перегорела. Опасно тут находиться простым смертным. Но не нам. У нас иммунитет.

– Да, только передохну.

Вот что значит физическая подготовка на нуле. Это чаще всего меня подводит, когда хочу свалить на улицу. Сейчас почти не подвело. Надо лекарство принять. Как только разберусь с этим придурком, приму. Главное, без палева вернуться в интернат.

Людишки снуют туда-сюда, смотрят на нас, как на последнее говно. Что, ни разу детей не видели? Наверняка свои дома ждут. Но вы все равно начинаете смотреть на нас, как на дерьмо, недостойное шагать по тем же улицам, что и вы. Чем мы отличаемся? Одеждой? Взглядом? Походкой? Да ничем! Просто вы видите то, что хотите видеть.

– Смотри! Вот он! – Санек указывает на сгорбившегося мальчишку. Один. Без свиты. Ну, все, придурок, я тебя нашла!

– Слышь, сюда иди! – кричу на весь парк.

О, голову поднял, увидел, кто на него смотрит, а главное – кто зовет. Поздно бежать, урод сраный, сейчас ты за все ответишь!

Санек быстро догоняет Ваню и скручивает его.

– Думаешь, я совсем дура, и не догадаюсь, что ты напиздел жабе? – нажимаю предплечьем на горло. Краснеет. Санек сзади держит, я спереди. Не вырвешься, крысытина.

– Так тебе и надо, дура тупая! Твой дружок заслужил са-

мой гадкой смерти.

Сука! Он не смеет говорить так о Мише! Не смеет! Ему тут же прилетает от меня между ног. Не по правилам, по-бабски, но так ему и надо. Заслужил. За все свои проступки, за ту подставу, что обрушил на нас. На Мишу, на меня. Даже Наде досталось. Морально.

Ах, ты еще и плюешься, чмо на ножках? Сейчас ты у меня получишь!

– Стойте! Вы что творите?

Как же, мать его, вовремя! Вот я не пойму, какого хрена эти обожравшиеся мажоры крутятся в парке отбросов?

Глава 5. День рождения

Снова утро, снова завтрак, и снова я в мастерской. Берусь все за ту же картину. За «Хлою». И снова вижу перед собой Яну. Ее взгляд, ее губы, ее улыбку. Блеск русых волос, мелкие морщинки в уголках глаз. И тело ее. Идеальное. Передо мной была именно она, только без цвета и конкретной прорисовки.

Не хочу больше ее рисовать. Не хотел тогда, не хочу и сейчас. Даже натурщицу новенькую позвал, чтобы запечатлеть хоть что-то иное, кроме своей бывшей. Она уже с другим. А мне нужно идти дальше.

– Все в порядке? – спрашивает девушка, выгибая бровь. Она обнажена, как я и просил. Рядом на стуле лежит шелковый халатик. Миниатюрный, как и сама натурщица. Ничего так фигурка. Стандартно красивая, внимание привлекает. И смотрит на меня, как на кусок свежего мяса в гриль-баре.

– Да.

Понимаю, что неосознанно сам заглядываюсь на нее. Уже не как художник, а как мужчина, у которого давно не было секса. Привык, что Яна всегда рядом, всегда под рукой. Брезгливо, что ли, прикоснуться к другой женщине, когда своя есть. А сейчас получается какой-то звездеч. Требуется выплеск энергии. Всего лишь физика. И поверьте, мастурбация тут не особо спасает.

Она понимает все без слов. Видит, как я зависаю с поднятой кистью и смотрю только на нее. Не в глаза. На грудь. И между ног. Туда, где влажно. Когда она успела так возбудиться? Подходит ко мне, опускается на колени, спускает штаны вместе с трусами и принимается за дело. Без лишних слов. Гладит одной ладонью мой обнаженный пресс, а другой – себя. Вбирает губами все глубже и глубже, будто получает удовольствие от этого больше, чем я.

Не все натурщицы откровенные давалки. Они очень милые, такие же творческие личности, как и сами художники. Но сегодня мне везет, и я позволяю себе поддаться эмоциям и этим томным взглядам блондинки. Позволяю доставить мне удовольствие. Вижу, что и ей нравится.

Вообще, немного странно чувствовать на себе губы другой. Давно этого не было. Я словно вернулся в студенческие времена, когда мы после пьянки запирались с первой встречной красоткой с длинными ногами и трахались так долго, пока мой член не начинал болеть.

И сейчас те же ощущения, только времени это много не занимает. Пять минут минета, и можно работать дальше.

– Люблю мужчин с татуировками, – говорит она с придыханием, поглаживая мою ладонь, где на тыльной стороне изображены иероглифы.

О, да. От них все тащились. Правую руку набил, когда еще в универе учился. В последующие годы после восстановления. Потом срыв головы, авария. Пропало желание. Зато та-

туировки напоминали мне о бурной юности и молодости.

И шрам на животе об этом тоже напоминал. Тот самый, вдоль пресса, который сейчас гладит девушка.

– Спасибо, Анжела, – выдыхаю после разрядки. Накопец-то. Даже дышать легче стало. Она в это время поднимается с колен, проглатывает все, что я так щедро отдал, и смотрит на меня взглядом верной собачки.

– Не за что, – и возвращается на свое место. Я бы ее трахнул, но не сейчас. Позже. Мне работать надо. Наверное, я единственный человек, который работает в день рождения.

Вот теперь мыслить стало легче. Проще, что ли. Сразу появилась ясность. Перед глазами уже не стоит образ бывшей. Избавился, пусть и на время. Продолжаю наносить нужные цвета. Смешиваю в палитре, переношу на холст, краем глаза наблюдая за девушкой. От нее нужна только хрупкая фигурка, остальное дофантазирую сам.

– Можешь быть свободна, – отставляю холст к стене и закрываю краски. Девушка послушно надевает халат и выходит из студии. Молча. Не оборачивается. Хорошая девочка, сразу все поняла.

Надо ужин заказать, что ли. Давно не ел. Позавтракал – и тут же к работе приступил. Правда, встал сегодня поздно, да и лег не рано. Злился весь вечер, когда курьеры затаскивали ко мне кровать, цепляя ножками все возможные углы. Да еще и эта поездка к черту на кулички с той сумасшедшей девчонкой.

Ладно, жизнь продолжается. Я возвращаюсь в свою среду, не думаю о диагнозе, о запрете на курение, о правильном питании, о Яне с ее хахалем. И о той девчонке. Как ее звали? Даже не спросил! Кстати, машину я тут же на чистку сдал, сегодня бы забрать. Главное, чтобы потом мои сиденья оставались такими же чистыми, без следов уличной слякоти.

Мелодия входящего звонка возвращает меня на землю.

– С днем рождения, брат! – звучит бодрый голос Эдгара.

– Не напоминай. Уже тридцать два.

– Да ладно, после тридцати жизнь только начинается! – кричит он весело и как-то развязно. Пил, что ли? – Найдешь красивую женщину, поженитесь, заделаете дет...

– Спасибо за поздравление, друг.

Не скажу, что эта тема была болезненной, но горечи в душу добавляла знатно. Раньше почему-то не задумывался о продолжении рода, а теперь периодически стоял около окна, глядя на детвору. Они казались маленькими точками, бегущими на улице. Сейчас маленькие. Потом вырастут. И всегда будут нуждаться в поддержке старших.

Это могли бы быть мои дети. Родился бы мальчик, уверен на сто процентов. Я бы советы ему давал, воспитывал, научил бы защищать себя и своих близких. И у него могли бы быть глаза Яны. Такие же ярко-зеленые, когда она радовалась, или болотные – когда злилась.

Или девочка, которая цеплялась бы за мои брюки в поисках защиты...

Но все разрушилось еще тогда, во время ужина. В тот момент, когда я хотел связать нас узами брака. А она? Хотела ли этого сама Яна? Уже неважно.

– Ты тут? – Эдгар покашлял пару раз в трубку. – Пошли в клубе посидим.

– Ты серьезно? Я только-только закончил работу.

Обычно, когда Эдгар зовет в клуб, ничем хорошим это не заканчивается. Он напивается, снимает какую-нибудь девчонку. Потом еще одну. И еще одну. А вытаскивать друга из женских тисков приходится мне.

– Так, я не понял, у меня день рождения или у тебя?

– Давай не сегодня. Я дико устал.

– Не ломайся, как девственница на выданье! Посидим нормально! Выйдешь в люди, в конце концов! А то мы скоро забудем, как ты выглядишь!

Он издевается? Я спать собирался, а он меня на какую-то тусовку зовет! Это мой день! Но...

– Короче, жду тебя внизу.

И кидает трубку. Вот наглый! Даже в мой день рождения не дает отдохнуть! Так, я вроде бы еду хотел заказать? Ладно, в клубе, может, перекушу. Хотя нет, у меня другая идея.

Они ждали меня в лимузине. На заднем сиденье, развалившись, сидел Эдгар в объятьях двух девушек. И это еще не все. Еще две девушки, блондинки кстати, сидели напротив. Вот тебе и день рождения...

– Ты серьезно?

– Не начинай только. Тебе надо расслабиться, – развязно говорит он. Девушки в это время делают вид, что ничего не слышат.

– Но не так!

– Ты когда в последний раз трахался?

«Сегодня», – хотел сказать я, но не произнес ни слова.

– Вот и я о том же! – отвечает он на мое задумчивое молчание. – Поэтому поехали.

Эдгар дает указание водителю, но я быстро обрываю его и называю адрес любимого ресторана. Уж лучше там спокойно посидим. Друг смотрит на меня как-то странно, но не возражает.

Трогаемся с места и едем в указанном направлении. Медленно. Застревая в пробках. Эдгар о чем-то с девчонками перешептывается, две блондинки в откровенных нарядах как сидели, так и сидят, словно впервые такую компанию видят. Или не знают, что со мной делать. Можете чем угодно заняться. В инстаграме позалипать или в змейку поиграть. Или селфи в лимузине поснимать. Что вы там еще любите?

Нас проводят к заказанному столику (я договорился, пока был дома), дают меню. В общем, все, как обычно. А нет, вру. Как все может быть обычно, если в элитном заведении появляется известный художник в компании подвыпившего друга и четырех проституток?

– Слушай, может, отпустишь их? – шепчу Эдгару, пока девочки отходят в дамскую комнату.

– Ты издеваешься? Затащил нас в унылое болото и вопросы такие задаешь! Я думал, повеселимся нормально, расслабимся.

– Мы и тут хорошо проведем время. Так что выпроваживай...

– Ну уж нет! Кого-кого, а девочек не отдам, – уперся друг, глядя на меня глазами капризного ребенка.

– Всех четверых?

– В этой жизни надо попробовать все!

Он, как всегда, в своем репертуаре. В прошлый раз Эдгар закатил вечеринку человек на сто, не меньше. И когда все разошлись, зажег с женой какого-то олигарха. Дня три зажигал, если не больше. Только тс-с-с! Никому не говорите. Не хочу я лишиться своего агента, менеджера и друга в одном лице.

Вот и девочки приходят. Заказываем еду, напитки, не переживая о цене. Вежливая официантка принимает заказ, уходит, а потом... Лучше бы мы в клуб пошли. Сидим за столиком на шестерых, мы с Эдгаром – напротив друг друга, между нами по две прекрасные дамы с каждой стороны. Смотрю на приятеля, и лучше бы я этого не делал, выбирал бы напиток по винной карте.

Одна из девочек лезет на колени Эдгару, другая пытается взять его за руку. И только я успеваю мысленно поблагодарить Всевышнего за то, что мне достались молчаливые девочки, как чувствую, что вокруг меня становится как-то

тесновато. Даже слишком тесно. Краем глаза замечаю движение с обеих сторон от себя. Девочки подсаживаются поближе. Через пару секунд еще ближе. И тут начинается...

– Сколько тебе исполняется? – спрашивает блондинка слева.

– Тридцать два.

– А кажется, что все двадцать.

Серьезно? Ты подсела только для того, чтобы сказать, как я молодо выгляжу? Знаешь, милая, у меня нет комплексов по поводу внешности, но на двадцать я перестал выглядеть в... в те же двадцать после одного инцидента. Да-да, и мужчины могут быстро стареть.

– Ой, а что это за татуировка у тебя? – спрашивает блондинка справа, указывая на мои пальцы.

– Иероглифы.

– А что они обозначают?

Еще одна. Черт возьми, куда ж ты меня втянул, Эдгар? Вот куда?!

– Ваше вино, – внезапно возле нас появляется официантка. Она, улыбаясь, разливает темно-красный напиток по бокалам. Девочки резко садятся на свои места, выпрямляются, словно хотят казаться лучше, чем есть. И не только те, что рядом со мной, со стороны Эдгара тоже.

Спасибо тебе... Карина – читаю на бейджике имя. Да, спасибо за своевременное появление.

– Ну что, друг, за тебя!

А дальше начался дикий ад. Разговоры не смолкали ни на секунду. Нет, я не против общения, но темы были... мягко говоря, пикантные. Завуалированные, конечно, но все же. Хорошо, что «мои девочки» от меня отклеились и обратили внимание на Эдгара. Он все говорил и говорил, а я сидел на месте и думал, когда же закончится этот ужин.

Вот и день рождения. Вроде бы не в клуб пошли, да и девушки красивые с нами, но, твою мать, Эдгар же знает, что мне брезгливо и противно, когда ко мне липнуть начинают! Хотя эта грудастая слева от друга ничего так. Я бы ее декольте написал, красиво смотрится. Небольшая грудь, но и не маленькая. Все в меру.

– Выйду покурить, – сообщаю своим спутникам и выбираюсь из-за стола. Эдгар кивает и продолжает обольщать девочек. Кого-то, видимо, ждет горячая ночь.

Выхожу на шумную улицу и... иду. Вот правда, я просто гуляю вдоль по проспекту, наблюдаю за пробкой на дороге. Закуриваю. Выдыхаю дым. Знаю, что нельзя. Плевать. Хуже все равно не будет.

Мне нужно отдохнуть. От давления девиц, от воспоминаний об одной женщине.

И о том, что я уже был на этом месте...

Совсем недавно, когда подвозил девчонку. Прямо к парку. Наверное, это какой-то рок, или меня специально кто-то по голове шандарахнул с такой силой, что ноги сами сюда принесли. Я и забыл, что ресторан недалеко находится. Или

далеко? Неважно.

Теперь мое внимание привлекает кое-что другое. Точнее, кое-кто другой. Троица в темных куртках, которые хорошо видны на фоне снега. Один парень держит второго сзади, а перед ними вижу знакомую куртку и знакомые ботинки, испачкавшие мне пассажирское сиденье.

– Так тебе и надо, дура тупая!

– Сейчас ты получишь, придурок!

Тут же девичий кулак прилетает в обездвиженного мальчишку, и та самая грязнуля-девчонка продолжает наносить удары. То в лицо, то в туловище. Руками и ногами. Это еще что за ерунда?

Нет, ну точно какая-то карма!

Глава 6. Не отец

– Стойте! Вы что творите? – подбегаю к троице, только они почти не реагируют на мое появление. Тот высокий так и держит жертву избиения, а девчонка...

– Не мешай! – пыхтит она, мельком взглянув на меня, и снова наносит удар.

– Говорю, оставь его.

Пробую оттолкнуть девчонку. У жертвы все лицо в крови, а тот парень позади даже не думает его отпускать. Еще и место такое нашли, что никто не видит. Хорошо, что я заметил.

Держу ее за локоть. За грязный, как и в прошлый раз. Но сейчас меня это не волнует. Смотрю в темные глаза оборванки. Внимательно. Вглядываюсь в радужку, которую переполняет несдерживаемая ярость. В чуть нахмуренные черные брови. В поджатые губы. Даже челюсть напряжена. Как бы она зубы от такой силы сдавливания не сломала.

– Ева, эт че за хмырь? – спрашивает парень, который держит окровавленного пацана. Ну, теперь я знаю, как зовут эту незнакомку.

– Ты че тут забыл? – шипит она прямо мне в лицо. Так, чтобы никто не услышал. Кроме меня.

– А ты что тут забыла? Не сопротивляйся ты так!

– Не твое дело! И вообще, отпусти меня! – дергается она. Сильная. Но я сильнее. – Я этому придурку не до конца на-

валяла!

– Хочешь до конца? Серьезно? Ты его чуть не убила!

– Он заслужил!

– Чем заслужил?

Девчонка долго смотрит на меня. Внимательно. Все еще со злостью. Потирает костяшки пальцев. Щурится пару секунд, глядя в сторону, потом снова встречается со мной взглядом и смотрит с такой ненавистью, будто я виноват в появлении ссадин на ее маленьких кулачках.

– Он подставил меня, – отвечает тихо-тихо. Уже без шипения и недовольства, но с нотками злости.

– Не все решается кулаками.

– Слушай, мажор хренов, – говорит уже громче, – давай ты не будешь указывать, что и как мне делать, лады? Вали, куда шел, а я пошла дальше...

– Ты никуда не пойдешь, – крепче сжимаю ее локоть.

– Это приказ?

– Да, мать твою, приказ!

– Ты мне не отец, чтобы приказывать, ясно?

Своими словами она будто пробивает какую-то брешь в груди. Брешь правды. Ведь это так, я ей никто. Случайный прохожий, с которым она провела пару часов в машине. Мне должно быть все равно. Сама справится, раз так заявляет. Но почему-то эта ситуация не дает мне покоя. Не позволяет поступить иначе. И я не желаю отпускать маленькую руку девушки.

Бред какой-то, не находите?

Дергает плечом. И я отпускаю. Не пытаюсь снова схватить, когда она делает шаг прочь. Смотрю на черное удаляющееся пятно, понимая, что просто не в состоянии задержать девчонку. Она права. Это ее жизнь. Ее судьба. Ее правила.

Эти слова напомнили о моем положении. О бесконечных анализах, о диагнозе, о лечении, которое может не дать результата. Возможно, я никогда в жизни не стану отцом, никогда не буду скандалить со своим ребенком и выяснять отношения. Или же...

– Стоять! – кричит кто-то издалека. – Ловите эту детдомовскую!

Все происходит в считанные секунды. Девчонка округляет свои темные глаза и устремляется к выходу, ее напарник бросает обездвиженное тело в сугроб и бежит в другую сторону. Мужчина в форме полицейского сначала провожает взглядом убегающую девчонку, но в итоге подходит к пострадавшему. Осматривает его, помогает встать.

А я не иду на помощь, как меня просят, делаю вид, что вообще не слышу их. Вместо этого ищу глазами девчонку. Вижу вдалеке темное пятно, скрывшееся между деревьями. Спряталась за одним из них, слилась с обстановкой, присела на снег. Вряд ли ее кто-то заметил, но я иду к ней. Не торопясь. Только на нее смотрю.

Зачем? Почему бы мне не вернуться к Эдгару и его девочкам? Не знаю. Все как-то на автомате происходит. Может,

хочу лично привести виновницу за шкурку и сдать в руки полиции. Или выяснить, почему она так жестоко обошлась с тем мальчишкой.

Или подойти к ней вплотную и выяснить, вдруг не только раненому нужна помощь.

– Уйди... – шепчет девчонка, подняв голову, когда я сажусь перед ней на корточки.

Дышит тяжело, за грудь хватается своими окровавленными ручонками. Сжимает пальцы. Глаза жмурит. Причем так сильно, что из уголков выдавливаются капельки слез. Всего парочка. Странно, что я разглядел все это в темноте.

– Ау...

Что с ней происходит?

– Где болит? – подбираюсь ближе.

Что за тупые вопросы? Она же за грудь держится с левой стороны. И что с тобой делать? Эй! Мне кто-то поможет? Как тебя, вообще, зовут? Твой напарник вроде как говорил. Или нет?

– Ева! Твою ж мать! – наконец-то вспоминаю я. Трогаю ее за плечи, пытаюсь в чувство привести. Она вообще меня не слышит? Глаза так же закрыты, руки чуть ослабли, но продолжают кое-как цепляться за куртку.

Вашу ж мать! Что же все время с тобой не так? О, нет! В обморок только не падай! Не падай, говорю! Но она падает на снег.

Быстро ищу телефон и нажимаю на экстренный вызов.

– Алло! Скорая? Срочно бригаду в Битцевский парк! – торопливо говорю в трубку, не вслушиваясь в официальное приветствие.

– Где конкретно?

– Со стороны Чертаново. Девушка, предположительно семнадцать лет, плохо себя чувствует, держится за сердце.

– Едем.

Лишь бы не тормозили. Если девчонка сдохнет у меня на руках – никогда в жизни не отмоюсь от грязи, льющейся со страниц желтой прессы! Черт, черт, черт! При чем тут не отмоюсь? О чем я, вообще, думаю? У меня на руках человек умирает!

– Ты... – едва слышно произносит Ева, приоткрыв глаза.

– Дыши!

– Я не...

– Дыши. Давай – вдох и выдох.

Она повторяет то, что я показываю. Медленно, с трудом, но вдыхает. И снова прикрывает глаза. Опять в обмороке? Вроде нет. Дыхание глубокое.

– Сейчас скорая приедет.

Ее глаза моментально распахиваются до невероятных размеров.

– Нет. Не... надо, – она слабым голосом пытается возразить. – Они же... они...

– Все будет хорошо.

Глажу ее по голове, пытаюсь следить за ее дыханием. Од-

нако она как лежала с распахнутыми глазами, так и продолжает лежать. Хочет что-то сказать, руками хватается за мои запястья, но я успокаиваю ее. Говорю что-то невпопад, даю обещания, которые вряд ли выполню. Как только ее родители придут, сразу передам ребенка из рук в руки. Только как их найти?

– Телефон родителей есть?

– Я... не... – все еще мотает головой она. Вот черт! И что мне дальше делать?

На помощь приезжает бригада скорой, кое-как найдя нас в кустах, медики быстро осматривают девочку, грузят на каталке в машину, оставляя меня в полном одиночестве.

– Папаша, вы едете? – спрашивает работник скорой.

Только хотел возразить, что я ей не папаша, но потом взглянул на практически неподвижное тело Евы и выпалил неожиданно для себя:

– Поехали.

Глава 7. Настоящие родители

Вас раздражали когда-нибудь стены больницы? Знаете, абсолютная белизна, запах медикаментов. Меня никогда. Всегда относился к ним ровно, точно зная единственную цель посещения – выздороветь. Даже та клиника, куда меня послал Эдгар для сдачи анализов, не бесила.

Сегодняшний день исключение из правил. Помните, я о стерильности говорил? Можете забыть. Ее здесь нет. Ни чистоты, ни нормального запаха. Пахнет гнилью. Грязью. И отсутствием хоть какого-то стремления к жизни.

Нас привезли в ближайшую городскую больницу, и у меня почему-то создалось впечатление, что она находится не в Москве. Не может быть в столице таких заброшенных больниц. Обшарпанных, с пожелтевшими стенами. Но нам сообщили, что без документов могут принять только здесь.

Нас приняли далеко не первыми, несмотря на то, что ситуация была критической. В машине Еве надели маску, вкололи какой-то препарат. Она дышала уже не так рвано, глаза потихоньку открывала. На меня смотрела. Не отрываясь. Будто я куда-то мог уйти.

Вот куда я уйду из машины? Некуда. Без вариантов. И какого черта я вмешался в драку? Сами бы разобрались. Вдруг меня кто-то увидит, узнает? Я, конечно, поднял ворот пальто как можно выше, но косые взгляды на себе все же чувство-

вал, когда мы зашли в приемное отделение.

– Ну и девчонка! – возмущается врач, выйдя из палаты, куда поместили Еву.

Я все это время стоял в коридоре. Хотел зайти после всех остальных. Попрощаться и уж точно больше никогда в жизни с ней не встречаться. А что вы хотели? Я не каждый день в благородство готов играть. Мне не особо нравится в полночь находиться хрен знает где с какой-то уличной девкой.

– В смысле?

– Дурында, вот чего! – объясняет доктор. – Не хотела, чтобы я воспитательницу вызывал. А как ее тогда оформлять?

Не понимаю, о чем он толкует, почему так возмущенно размахивает руками. И какая еще воспитательница? Не в детском саду ведь девчонка живет.

Мы расходимся в разные стороны. Доктор так и не пояснил, что случилось и как обстоят дела с Евой, под предлогом, что я не родственник. И ладно, попрощаюсь с девчонкой и пойду домой.

– Как себя чувствуешь? – сажусь на стул около кровати.

Без черного балахона она выглядит щуплой. Бледная. Тонкая как тростинка. И такая же зеленая. Глаза кажутся слишком большими на худом лице, кожа совсем прозрачная. Под капельницей лежит, не шевелится. Смотрит на меня уже не так испуганно. Скорее, обреченно.

– Лучше не бывает! – она поднимает большой палец вверх, наигранно улыбаясь. Голос все еще слабый, едва

слышный, но теперь можно разобрать слова.

– Ты понимаешь, что перепугала всех вокруг?

– Не драматизируй, это нормально.

– Попадать в больницы, по-твоему, нормально?

– Говорю, не драматизируй.

Согласен с доктором. Не девушка, а какой-то монстр. Она чуть не умерла у меня на руках, а говорит такие вещи. Не драматизируй! Была бы моей дочерью, выпорол бы за эти слова и не пожалел бы сил.

Но дочери у меня нет...

– Ладно, я пойду. Выздоровливай, – поднимаюсь и делаю один-единственный шаг к выходу, но в меня вцепляется прохладная рука. Ее рука.

– Слушай, – тянет она за рукав. Заставляет меня повернуться и посмотреть в ее глаза. Снова испуганные. – А ты можешь еще со мной посидеть?

– Зачем?

– Ну... я боюсь больниц.

Серьезно? Эта нахалка, которая стащила у меня сигареты, испачкала сиденье в машине и к тому же нагубила, боится оставаться одна в палате?

– Сама же говорила, что это нормально, разве нет?

– Я имела в виду боли, – она кладет руку на грудь чуть ближе к левой стороне. – Но в больницах я обычно лежу с кем-то, а тут меня одну в палату положили.

Смотрю на часы. Двадцать три тридцать одна. Дети в такое

время спят. И я сплю, если не занят в мастерской. Я вроде говорил, что жалею о вмешательстве. Думаю, повторять не стоит.

Сажусь обратно на стул. Она все еще не отпускает мою руку. Держится крепко – по мере возможности. Как силы позволяют.

– Спасибо.

Только за что? Если бы я знал, на что шел, то ни за что в жизни не согласился бы на ее просьбу.

– Здравствуйте.

В палате раздается строгий голос, как у моей классной руководительницы в школе. И почему я вспомнил именно ее, когда выпрямился, оторвал свою руку от Евиной и посмотрел на вошедшую женщину? Потому что они были практически одинаковы.

Юбка до середины икры, пучок на затылке, а цепкий взгляд из-под стекол овальных очков работает, как детектор лжи. И такую не обманешь, даже если уверен в собственной правоте – признают виновным и казнят без предоставления последнего слова.

– Добрый день, – подхожу к женщине. – Вы, наверное, бабушка.

Она усмехается. То ли горько, то ли с сарказмом, не знаю, но спустя некоторое время, окинув меня взглядом а-ля металлоискатель, спрашивает:

– Это вы нашли Еву?

– Да. Олег Дмитриевич Соломон... – протягиваю руку.

– Римма Васильевна, очень приятно. У вас просто замечательные картины. Наш интернат так благодарен вам. Спасибо, – вежливо произносит женщина и протягивает руку в ответ. – Если вы не против, я бы хотела поговорить с Евой наедине.

Краем глаза замечаю, как девчонка медленно поводит головой из стороны в сторону. Если бы могла, то делала бы это быстрее. Когда я обращаю на нее внимание, полные губы шепчут:

– *Не уходи...*

Через секунду женщина поворачивается вслед за мной и устремляет взгляд на Еву. Затем на меня. Темный. Требовательный.

– Олег Дмитриевич?

– Конечно.

Несмотря на образ этакой училки, сама женщина показалась мне довольно милой. Возможно, в ней еще осталась советская закалка, но все же внутри нее таится любовь и страдание. И почему Ева просила не уходить?

И ответ пришел сразу же, как только я прикрыл дверь, но не стал отходить далеко

– Вот ты и попалась, маленькая дрянь, – слышится неприятное шипение. – Думаешь, это того стоило?

– Да, – доносится слабый голос Евы. Сразу же после него раздается хлопок. Короткий и резкий. А потом тихий и такой

же короткий стон.

– Лекарства больше не получишь. А как только вернешься в интернат, будешь полы драить на всех этажах.

– Так нечестно!

– Нечего сбегать, поняла? А теперь наслаждайся недолгими деньками в больничке. Приду через неделю.

Мать-перемать!

Что за херня здесь происходит? Что за угрозы таблетками? Крики? Избиение? Да, оно точно было, я не дурак. Все детали мозаики сложились воедино, те вопросы, которые возникали раньше, тут же отпали. Ответы на них получены. И они не особо меня радовали. Точнее, вообще не радовали.

То есть это не бабушка Евы, а воспитатель, если судить по рассказу врача? И она вправе вот так мучить ребенка? Разве за ее действия не полагается наказание? Это же нарушение закона! Она, как ответственный работник, обязана следить за ребенком. А поначалу показалась достаточно милой, хоть и строгой внешне.

Нужно что-то предпринять! В суд подать на нее за жестокое обращение с детьми, лишить возможности воспитывать детей. Что там еще делают?

Так, стоп!

А почему я вообще об этом задумываюсь? Какое мне дело? Я всего лишь вызвал для девчонки скорую, дождался опекуна, пора валить. Но что-то не позволяло. Я и шагу ступить не мог. Мимо медсестры проходили, косились на меня

странно, но мне было все равно.

Отхожу подальше, как только у двери раздаются шаги. Встаю к окну, делаю вид, что вообще тут ни при чем. Сигарету бы выкурить, но нельзя. Придется на улицу выходить, и не факт, что снова пустят в корпус.

Захожу в палату, когда женщина покидает коридор, гляжу на Еву. Лежит пластом, как раньше, на правой руке капельница, глаза смотрят в окно. Ничего не изменилось, кроме потускневшего, чуть увлажненного взгляда и покраснения на левой щеке.

– Не говори ничего, – тут же шепчут ее губы. Тихо-тихо. Будто кто-то сейчас подслушивает, стоя за дверью, как я совсем недавно.

– Почему?

– Это касается только меня.

Она шутит? Только ее касается? Ее и той женщины, обещавшей лишить таблеток? Вашу ж мать, какого хрена тут происходит? Почему я все узнаю через стенку, через приоткрытую дверь, через уличные драки? От каких-то посредников, вместо того чтобы услышать ее версию.

Сперва девчонка просит остаться, мол, боится больниц, а потом начинается псевдогеройство в стиле «сама разберусь, не вмешивайся». Я словно стал свидетелем преступления, которое увидел краем глаза. Лишь часть картины. А за занавесом скрывается еще много тайн.

И это ужасно злит. Неизвестность вкупе со скрытно-

стью...

– Во что ты опять меня втянула? – внимательно гляжу в ее прикрытые глаза. Не смотрит на меня. Только в потолок. Безэмоционально.

– Ни во что.

– Я жду ответа.

– Слушай, мистер Длинный Нос, – поворачивает голову ко мне и пристально заглядывает в глаза, – это не твое собачье дело! Спасибо, что спас, и на этом все. Понятно?

Нет, мне ни черта не понятно! Я не хочу понимать ее безразличие к себе, не хочу оставлять ее в покое. Ее грубость, наглость, манера решать все самой вместо того, чтобы довериться взрослым. Откуда оно взялось?

– Не надо спрашивать, зачем ты сбежала? – подхожу с другой стороны.

– Нет. Все равно не поймешь.

– Почему не пойму?

– Потому что ты из другого мира! – отвечает она так просто, словно озвучивает банальную истину для недалекого человека. – У тебя есть деньги, карьера, влияние, друзья, родственники, а у меня никого нет, понимаешь? – добавляет уже громче. – К нам относятся, как к отбросам, как к мусору, и всем плевать, кто ты и что ты. Либо ты, либо тебя, слышал о таком?

Дышит быстро. Глубоко. Ее глаза не отрываются от моих. Глядят в упор. Темные-темные. Такие даже на картинах не

напишешь, если не видеть перед собой натурщицу.

– Мой друг не выжил, не успел получить медицинскую помощь. А знаешь почему? Потому что тот придурок из парка его избил. Мишу в больницу положили и обнаружили осложнения на сердце. Пересадку не сделали. Этот ваш дурацкий фонд просто не дал денег, а тему замяли! И наша жаба ничего говорить не стала! Наверняка ей тоже приплатили! Ах, да, вы ж, мажоры, все такие! Не думаете о последствиях своих капризов! А потом...

Она резко хватается за грудь, аппарат около ее кровати начинает пищать быстрее. Ева едва дышит, глаза жмурит. Твою ж мать!

– Врача! – кричу, выбежав в коридор. – Срочно врача! Девушке плохо!

В палату тут же вбегают две медсестры и доктор. Осматривают ее. Я отхожу подальше, чтобы не мешать, но наблюдаю со стороны. За ней. За тем, как ее приводят в чувство точно так же, как это делал я в парке.

Все проходит мимо меня. Не замечаю, сколько времени пролетает. Секунды, наверное. Но все это время в голове крутятся ее последние слова.

Мы из разных миров...

Ритм сердца девочки через некоторое время стабилизируется. Медсестры вводят что-то в капельницу и уходят, когда пиканье начинает звучать реже.

– Пойдемте поговорим, – ко мне подходит дежурный врач.

– Но я не...

– Идемте.

Мы выходим. Напоследок смотрю на Еву. Опять лежит пластом, уставилась в потолок, словно никого вокруг не существует. Только когда я направился к выходу, она взглянула на меня точно так же, как тогда, когда я оставлял ее наедине с той воспитательницей. Так же умоляюще. Неотрывно. Прося о том, что я не мог выполнить.

– А теперь слушайте сюда, – начинает врач. – У девчонки сердечная недостаточность, ей волноваться в принципе нельзя, а вы только и делаете, что заставляете ее переживать! Не портите мне статистику и не травмируйте ребенка!

– Какая сердечная недостаточность?

Не спрашиваю о какой-то там статистике, не беру во внимание повышенный тон. По хорошему счету, мне бы уйти отсюда, но вопрос сам слетает с губ.

– Простая! Диагноз такой никогда не слышали? Так вот в интернете прочитайте, может, что-то полезное найдете. А теперь на выход!

И сейчас я вроде должен обрадоваться, что вскоре покину это ужасное здание, навеки пропитанное запахом смерти, и окажусь дома, в своей кровати, вернусь в привычную атмосферу.

Только какой-то червячок сомнений не дает мне покоя. Ноги хоть и несут меня все дальше и дальше от этого богом забытого места, но мысли то и дело возвращаются в больни-

цу. Точнее, в палату, где сейчас лежит одна маленькая брюнетка с пронзительными глазами и проблемами... не только с сердцем...

Глава 8. Осознание

С раннего детства мама часто пыталась внушить простые истины. Что нужно уступать место старшим, быть галантным с девочками, жениться на мудрой женщине и растить красивых деток. Своих. А чужие? Они так и останутся чужими. У них есть свои родители, своя жизнь и своя судьба. Именно так считала мама до конца жизни.

И я верил ей. Верил в то, что детей надо зачать самому, а не связывать жизнь с чужими, никому не нужными. У них же есть родители. Родственники. Близкие. Только мама не учла одного. Все это ложь.

Они брошены на произвол судьбы, свалились на плечи государства и нянечек, которым тоже не особо сдались. И жизнь гоняет их туда-сюда, пока они не адаптируются.

С Евой мы больше не встречались. Я не заглядывал в больницу, оставив девчонку с тем поникшим взглядом один на один со своей проблемой, и она больше не напоминала о себе. Выписали, наверное. Она вернулась в свой дом. К друзьям.

К той самой женщине, которая отказывалась давать лекарства за плохое поведение...

Тот подслушанный разговор и ее слова об «отбросах» не давали покоя. Я был не в состоянии нормально писать картины, даже наброски не делал. «Хлоя» давно уже высохла,

а я никак не мог нанести следующий слой. Вместо этого открыл Мак и читал в интернете рассказы детдомовских воспитанников об их образовании, адаптации после выхода из детдома. И информация меня совсем не радовала.

Раньше я лишь представлял, что может твориться за стенами государственных учреждений, но никак не думал, что детей могли запирают в подвалах, насильно отправлять в психиатрическую больницу за непослушание или, того хуже, забивать до смерти, а врачам из скорой приплачивать за молчание.

А может, она еще в больнице, сходить, что ли? Только зачем? Смысл? Что я там забыл? Черт! Мысли об этой девчонке не оставляют меня в покое! Почему в новом наброске я вижу ее печальные глаза? Утомленные. Несчастные. Глаза человека, побитого жизнью. И кто в этом виноват? Судьба в лице определенных людей или сама девчонка, которая осталась одна во всем мире?

Мы, живя по ту сторону от этой реальности, видим жизнь другими глазами. Не такими, как они. Как эти дети. Они тоже имеют право на существование, тоже хотят жить, как все. Те же шансы, те же права. Однажды, не выдержав, все же собираюсь в больницу. Бессмысленно. Нелепо. Плевать. Интересно, как она там? Эта нахалка. Выписали или нет? Что ее ждет дальше? Как себя вести? Что я вообще тут забыл?

Но думать поздно, я уже вошел в палату.

– Привет.

Ева не спит, не лежит в позе умирающего лебедя, как в прошлый раз, да и к системе не подсоединена. Удивленно вскидывает глаза, когда я делаю шаг и закрываю за собой дверь.

– Ты как-то часто в моей жизни появляешься, – хмыкает девчонка.

– Мне уйти?

На мгновение глаза увеличиваются, голова на автомате качается из стороны в сторону. Глупышка. Ее реакция заставляет меня улыбнуться.

– Не переживай, я пошутил.

Ева почти незаметно расслабляется.

– Я же тебе не отдал пакет...

– О, че принес? Что-то вкусненькое, да?

Смотрит на продукты таким взглядом, словно я заставил ее ждать. Долго причем, слишком долго. Вот наглая морда! Хотя теперь становится ясна причина этой черты характера. Ведь она многого лишена в своем интернате, приюте... Как это вообще называют?

– Там фрукты, йогурты...

– Серьезно? – она вскидывает бровь. – Нашел чем удивить.

– Ну, если не будешь есть, то... – хватаюсь за ручки пакета и хочу положить его обратно себе на колени, но ее маленькая ладонь отталкивает мою.

– Нет уж! Раз принес, оставь мне!

Девчонка с любопытством заглядывает в пакет, достает оттуда яблоко и надкусывает свежий плод. Маленькая капелька сока стекает с левого уголка полных губ. Глаза закрывает, когда откусывает снова. А потом открывает, демонстрируя их яркий блеск. И только сейчас, наблюдая за девчонкой, различаю цвет глаз. Светло-карий. Ближе к медовому, сверкающему на солнце.

Мы сидим. Молчим. Друг на друга смотрим. Чувствую себя неловко. Не в своей тарелке, что ли. Вспоминаю, чем закончился наш последний разговор. Что она говорила о покойном друге и о жизни в целом. Насилие, несправедливость, желание угробить этих детей.

А что делали с ней? Вряд ли только лекарств лишали.

– Эй, ты че завис? – бодрый голос девчонки отрезвляет. Она откусывает последний кусок яблока и кидает огрызок в урну около входа. Попадает точно в цель. – Ау! Слышишь меня?

– Слушай, тебе правда могут не дать лекарства?

– Ну, обычное дело, если косячу, – отвечает обыденно, словно в этом ничего страшного нет.

– Вам вот так запросто не дают положенные лекарства?

– Иногда денег не хватает, иногда внимания заведующей. Только она распределяет все между ребятами, а нас много.

То есть те истории правдивы... Мать твою так!

– Это же ненормально.

– Добро пожаловать в мой мир, дяденька миллионер! –

она широко разводит руками и наигранно улыбается. – Тебя ждет плесень, вонь и медные трубы.

– Нет, серьезно. Вас могут запереть в подвалах, избить и отправить в психушку? И это никак не будет караться?

Девчонка посмотрела на меня, как на сумасшедшего. Взметнула темные брови вверх. Даже челюсть у нее отвисла. Нет, теперь я точно чувствую себя идиотом.

– Знаешь, я тоже об этом слышала, – говорит она с долей иронии.

– Я серьезно спрашиваю.

– А я серьезно отвечаю. Ты где эту хрень нарыл?

Если раньше я пытался ее отчитать, то сейчас мы поменялись ролями. Она смотрит на меня так укоризненно, как училка начальных классов. Ей осталось только очки нацепить и указку в руки взять.

– Ну...

– Баранки гну!

– За языком следи! – предупреждаю серьезно.

– Ладно, сорян. Просто ты чудак, – и улыбается, вытаскивая из пакета питьевой йогурт.

– Почему это?

– Какой нормальный человек отправит ребенка в психбольницу? Знаешь, какой скандал разразится? А потом разбирательства, суды. Это же прикроет лавочку жабы. Откуда она бабки тырить будет?

В этот момент мне бы успокоиться нужно, только это са-

мое спокойствие никак не приходит.

– Слушай, где твои родители?

Она замолкает. Улыбка пропадает с ее лица. А пальцы пытаются сцепиться в замок, но получается это так же хорошо, как у меня находить правдивую информацию о детдомовцах.

– Отказались, – отвечает она тихо, вперив в меня свои большие глаза.

– Вот так просто?

– Ну да.

Снова эта легкость в ее голосе, снова безмятежность. Почему такие вещи произносятся так обыденно? Словно в этом нет ничего странного или необычного.

– Как родные люди могли отказаться?

– Не родные, приемные, – поясняет Ева. – Они взяли меня из приюта, а через полгода вернули обратно, потому что меня ударил один козел в школе, а я сдачи дала. Им не нужна неадекватная дочь.

– А что с твоими настоящими родителями?

– Не знаю. В личном деле написано, что они умерли, когда я была маленькая, но я их совсем не помню.

Вот и дилемма. Я недавно хотел создать семью, а у нее этой семьи как таковой нет.

– И как ты живешь?

– Ты так говоришь, как будто я инопланетянин из космоса. Отсутствие родителей – это не конец света. Жила как-то без них, и сейчас проживу, – отмахивается девчонка, глядя на

бутылку йогурта. Рассматривает изображение спелого яблока и груши, словно никогда в руках эти фрукты не держала.

А я вижу, как легко подрагивают ее пальцы, как глаза, не двигаясь, смотрят на упаковку. И сама она практически не шевелится, лишь глубоко вдыхает и выдыхает воздух.

Как бы она ни отрицала, факт остается фактом. Все видно невооруженным взглядом. Даже мне – постороннему человеку, который встречает девчонку третий раз в жизни. Но при этом создается впечатление, что встреч до этого было больше. Что мы встречались чаще. И встречи были плодотворнее. Будто в другой жизни виделись.

Сидели так же друг напротив друга и рассказывали о своей судьбе. Она так же смотрела на меня то укоризненно, то отчаянно, то с любопытством, так же облизывала пальцы, пролив немного йогурта. Ребенок. Такой еще ребенок.

Создается впечатление, что именно этот ребенок, переживший больше, чем обычный взрослый человек, искренне, без желания «быть в теме», скажет в любой сложной ситуации: «Я тебя понимаю».

И в моей тоже...

– А я бесплоден, – легко выпаливаю новость, которая однажды повергла меня в шок.

И мы снова долгое время молчим. Ева резко прекращает пить йогурт, закрывает крышкой бутылку и, внимательно взглянув на меня, произносит:

– Абсолютно бесплодных не бывает.

– Бывает, как видишь.

– Есть же другие варианты?

– Лечение. Но вряд ли это принесет какую-то пользу.

– Серьезно? – снова выгибает бровь и смотрит на меня, как на умалишенного. – Это говорит известный художник, который с самых низов карабкался на вершину вашего гробаного Олимпа?

– Тебе не понять.

– Слушай, мы уже это проходили. Не бывает безнадежных случаев. Либо ты борешься за эту возможность, либо тебя устраивает, что в обойме только холостые...

– Ева!

– А что? – вопит она. – Думаешь, я не знаю о пестиках и тычинках? Мы это в девятом классе проходили. Проблему лучше решай!

Решать? А что тут можно решить? Любимая женщина бросила и быстро нашла замену, а страшный диагноз вряд ли что-то изменит. Я ничего не смогу с этим поделать. Может, со временем перестану «стрелять холостыми», но сильно сомневаюсь, что из этого лечения что-то получится. Может, попытаться?

– Ну что, Ева, пора делать уколы, – к нам заглядывает молоденькая медсестра. – На выход, папаша.

И чего они папашей меня называют? Я такой старый, что ли? У нас разница лет пятнадцать, не больше!

– Мне пора, – опускаю свою ладонь на ее руку. Она не пы-

тается ее вырвать. Вот и все. Навестил, привез продукты. И все. Наверное, пришла пора разойтись. Мне пора готовиться к пиару, который мне Эдгар прописал. Только...

– Ты придешь?

... у судьбы свои планы.

– Если хочешь, могу прийти.

– Хочу... – ее глаза заискрились, будто я пообещал полстраны на день рождения подарить.

– Принести что-нибудь?

– «Марс»! – тут же срывается с ее губ. Все-таки она еще ребенок, хоть и размышляла о моей проблеме, как взрослая.

– Тебе нельзя.

– Все равно принеси. Пожалуйста...

Вот глупышка. Потерпела бы пару дней, и я купил бы этот дурацкий «Марс». И шоколадки. И мармеладки. Даже гамбургер, если бы попросила. Но врач запретил.

После приема я поговорил с ним, выучил все, что можно, а что нельзя в ее состоянии. Конечно же, на следующий день «Марс» не принес, за что получил подушкой в лоб. Еще через день увидел недовольно поджатые губы, а через неделю она и вовсе перестала дуться.

Но в один прекрасный день, когда я нес в кармане тот самый «Марс», обнаружил пустую койку...

Глава 9. Возвращение в реальность

Больше всего в этой жизни, кроме гадких таблеток, ненавижу выходные. Эти два дня, полные одиночества и лишнего напоминания, что никому ты здесь не нужен. Лучше уж в школе болтаться, нежели сидеть в четырех стенах и ждать, когда же наступит понедельник.

А знаете почему? Потому что в этот день ребята разъезжаются по домам. Кто-то с родителями общается, кто-то с родственниками, братьями-сестрами, которых распределили в другой интернат. А я остаюсь одна. К кому мне спешить?

Мать отказалась от меня, как только я родилась, через три года пыталась забрать меня из дома малютки. Навещала каждые выходные, приносила новые игрушки. Помню ее светло-медовые глаза. Добрые. Пронзительные. Как у меня. Но в один прекрасный день она сказала мне, тогда еще пятилетней девочке, что больше не будет приходить. И ушла.

Как оказалось, навсегда.

Только потом я узнала, что после меня у нее родился сын, за которым она недоглядела. Итог: смерть трехмесячного младенца и лишение родительских прав.

Некоторые ценят тишину, спокойствие в комнате. Я бы ее тоже ценила. Каждое мгновение. Однако непрощенные мысли возникают в голове быстрее, чем я успеваю заблокировать разум. Воспоминания. Само прошлое. Существование

вне этих стен. Полное жестокости, но все же прекрасное.

После выписки из больницы мне позволили гулять по территории. Точнее, жаба дала распоряжение по наставлению врача. Прописали нужные таблетки, к тому же Олег купил дополнительную упаковку. Правда, это было недели полторы назад, и она уже почти закончилась. Ничего. На пару дней еще хватит.

Снежинки падают на голову. На нос. На ресницы. Слепят. Наверное, именно по этой причине не обращаю внимания на малышню на площадке, на топот ног на горке. И на припаркованную бэу, которую уже видела когда-то давно. Вечность назад. Которую, еще лежа в больнице, выглядывала из окна в ожидании, когда она припаркуется на свободном месте, а ее владелец поднимет голову и встретится со мной взглядом.

И его не сразу вижу. – фигуру в черном пальто. Он несется прямо ко мне, шурша снегом под ногами. Смотрит не отрываясь. Дети на площадке оборачиваются, стреляя любопытными взглядами в статного мужчину, но он не замечает. Подходит ко мне, точнее, к лавочке в углу под яблоней. Стряхивает снег и садится рядом.

– Привет. А ты чего тут сидишь? – спрашивает он, улыбаясь. Щеки еще не покраснели от мороза, изо рта идет белесый пар.

Изменился за эту неделю. Темноватая щетина на щеках появилась, глаза посветлели, а на густые ресницы опустились

маленькие снежинки. И улыбка. Широкая. Белозубая. Обычно такие в рекламах зубной пасты показывают.

– А где мне еще быть?

– У вас через пять минут мастер-класс начнется.

– Откуда ты знаешь?

Смотрю на его улыбающуюся морду лица. Довольную такую, словно джекпот сорвал. Хотя о чем я думаю? У него и так денег много. Лучше сказать, что такое выражение лица у него будет, если появится возможность завести потомство.

– Я его провожу. Пошли.

Он не тянет за руку, не заставляет – сама иду. Потому что хочу еще немного побыть с этим человеком. С добрым. Отзывчивым. И интересным. Если бы месяц назад мне сказали, что я стану общаться со знаменитым художником, не поверила бы.

Когда Миша умер, я проклинала всех этих мажорных снобов, пытающихся заработать репутацию липовой благотворительностью. В том числе, и Олега. Я даже сиденье в его машине специально испачкала, чтобы запомнил меня на всю жизнь. Чтобы остался неприятный осадок. Хотела еще поцарапать, но не успела. Зато сигареты стащила – хватило на оплату долгов.

Мое мнение поменялось, когда он спас меня и пришел через некоторое время в больницу. Навещал меня практически каждый день, сидел рядом, развлекал, разговаривал не как с ребенком, а как с равной себе. Для всех он был талантливым

художником.

А для меня – единственным взрослым, который не оттолкнул, а наоборот – потянулся навстречу...

Он обычный мужик со своими проблемами, возведенными в куб. Точнее, с одной проблемой. И что такого в бесплодии? Можно ведь малыша из детдома взять. Они так нуждаются в любви, которой не хватает именно в детстве. Именно в этот период одиночество и непонимание съедают нас с потрохами.

– Ну что, дети, давайте послушаем Олега Дмитриевича, – начала воспитательница пятиклашек. На первый взгляд, добрая и отзывчивая женщина, но кто знает, какие тараканы в ее голове ползают. – Он расскажет нам, как изобразить на тюреморт.

Пф... Нас этому в восьмом классе учили. Нашел чем удивить.

Здесь собрались и малышня, и середнячки. Старшаков не было. Только я одна. Сижу почти в углу и смотрю на своего учителя. Временного.

Олег удивил, кстати. Какие-то техники объяснял, наглядно демонстрировал на маленьком мольберте примеры, удерживая в длинных пальцах простой карандаш. Но я все равно ни черта не понимала. Не умею рисовать, не дан мне этот дар свыше. Зато яблоки лопать люблю и готовлю хорошо. Тетя Галя научила. Все время говорила, что моему будущему мужу повезет.

Занятие быстро пролетело. Я с удовольствием смотрела, как мужчина улыбается этим неуверенным девчонкам и озорным мальчишкам, как поправляет их, и как малышня не хотела его отпускать. Обычно мы не так быстро доверяем чужакам, но у этого человека было какое-то необъяснимо невесомое качество. То ли харизма, то ли притягательность. То ли его улыбка, которую он только что адресовал маленькой десятилетке. Именно эта улыбка позволила мне когда-то поверить ему. Рассказать о нашей жизни, о буднях, о том, что не все, что в новостях показывают, правда.

– Эй, ты чего нос повесила? – он подошел ко мне и посмотрел сверху вниз. Единственный раз, когда мне пришлось поднимать голову при общении с ним.

– Да ничего.

– Не хочешь прогуляться? Такая погода хорошая.

И он прав. Погода действительно чудная. Снежок выпал, ветра почти нет, минус один по Цельсию. Именно поэтому накануне я сидела на лавочке и играла в змейку на телефоне.

– Мне только по территории можно.

– Я договорился с заведующей, – так же улыбочиво поясняет он. – Она отпустила под мою ответственность. Ты же не сбежишь?

– Ну, не знаю...

– Ева!

– Лады, не сбегу! – улыбаюсь в ответ. – Хвостиком за тобой ходить буду!

– Договорились. Одевайся потеплее.

Зря он это сказал. Кроме единственного свитера пятилетней давности у меня особо ничего теплого нет. Хотя куртка уже сколько лет спасает от морозов.

– У тебя что-то другое есть? – спрашивает Олег. Стоит со скрещенными на груди руками, прислонившись к капоту своей огромной тачки, смотрит насмешливо. И снова задает один и тот же вопрос. Уже который раз!

– Если ты мне купишь – будет.

Не отвечает, а улыбается так же лучезарно, словно ничего такого не произошло. Между прочим, это моя любимая куртка. И единственная. Может, она греет плохо, но она мне нравится! И пусть только попробует что-то вякнуть в ответ.

Рассаживаемся по своим местам. Я в этот раз ноги не задираю – хватит с него мучений. Выезжаем во дворы, потом на основную трассу. И едем. Куда? А, пофиг.

Как и в прошлый раз, смотрю на его руки. На иероглифы на каждом пальце. Интересно, что обозначают эти закорючки? Не знаю. Надо в библиотеке поискать, когда домой приеду.

– Что у тебя с костяшками? – спрашивает он, метнув взгляд на мою правую руку. Вот черт! А я-то думала, что не заметит.

– Да так, поигралась немножко.

– Знаю, как ты играешься, – хмыкает он.

– А что? Мы с Серым поспорили, кто кого, – признаюсь я,

вспоминая наш бой. Человек пятнадцать за нами наблюдали, за парня болели. Но все же победу одержала именно я.

– Поспорила, как тогда в парке?

Ну и чего ты голос повышаешь? Как будто я смертельно согрешила!

– Да не! Мы в кулачки играли. Кстати, я «Марс» выиграла!

– Ты вообще девушка?

Нет, ну что за наглость? Уже который мужик говорит мне о «закосе под пацана»! У меня грудь, между прочим, есть, и попа тоже ничего. Ах да, в вашем мире все девушки с такими накачанными буферами, губами и скулами, что из космоса видно. И вы, мужики, на это ведетесь! А как же естественность? Даже если она не особо привлекательна. Вам же мишуру подавай!

– Девушка! – отвечаю, отвернувшись от него. Козел!

– Сомневаюсь, – кидает мужчина.

– Так, если не нравится, я выйду!

– Сиди уже, – он нажимает на кнопку слева от себя. – Есть хочешь?

Сейчас он напомнил мне тетю Галю, которая все время интересовалась моим самочувствием, питанием и уроками. Как папочка, ей-богу.

– Ты же понимаешь, что я сейчас море еды закажу в отместку за твои слова?

Краем глаза смотрю на него. На сильные руки, лежащие

на руле, на чеканный профиль и глаза, внимательно наблюдающие за дорогой. И на улыбку. Блин, она как будто приклеилась к нему. Он же не поп-звезда, чтобы вечно улыбаться всему миру!

– Ладно. «Шоколадница» устроит?

– Да!

Он серьезно? Нет, правда, он ведет меня в «Шоколадницу»? Вот так просто? После того как я испачкала ему машину, назвала мажором и мысленно проклинала? Может, шутит? Решил отомстить?

Но все это ушло на второй план, когда мы припарковались около Воробьевых гор и пошли в кофейню. В мою любимую. На которую всегда не хватало денег.

Глава 10. Шоколадница

Ева тянет меня в сторону этого самого кафе. Сначала недоверчиво посмотрела на вывеску сверкающими от предвкушения глазами, затем быстро вылезла из машины и долго ждала, пока я покурю. Специально сигарету достал, чтобы ее немного подразнить. А она чуть ли не прыгала на месте от нетерпения.

Ладно, не такой уж я изверг, всего одну затяжку сделал, потом выкинул сигарету прочь и пошел вместе с довольной Евой в кафе.

– Можно я блинчики с маком закажу? – слышу вопрос и снова натыкаюсь на ее блестящий взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.